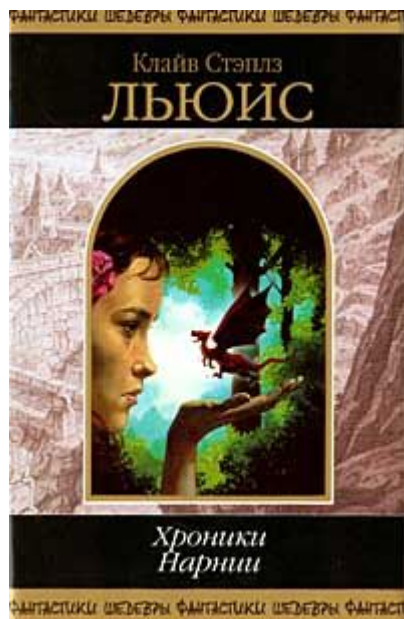

Клайв Стейплз Льюис
Племянник чародея

Серия: *Хроники Нарнии* – 6

Аннотация

«Хроники Нарнии» — это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров. Дядя Дигроя, Эндрю, обманом вовлекает Дигроя и Полли в рискованный эксперимент. В процессе его они касаются волшебных колец Эндрю и оказываются в Лесу Между Мирами, проходы из которого ведут во множество миров. Пытаясь спасти Лондон от злой Королевы Джейдис, они попадают в Нарнию.

Клайв Стейплз Льюис Племянник чародея

Предисловие. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я очень и очень жалею, что когда был маленьким, не знал детских книг английского писателя Клайва Льюиса. Мне кажется, что дети, кому читают эти книжки перед сном, потом обязательно должны становиться лучше, а, следовательно, добрее. Еще мне кажется, что тому, кто знает и помнит героев книг Льюиса, сделать зло человеку или животному очень трудно. Скоро вы и сами в этом убедитесь.

Кое-кто может на меня зашикать, и все же скажу: на мой взгляд, Клайв Льюис один из самых интересных писателей, из тех многих, кого я прочитал в своей жизни. Книг написал он много, больше сорока, а среди них семь — специально для детей. Для детей Льюис придумал страну Нарнию, где грустные тамошние звери, в отличие от грустных зверей реальных стран, между собой разговаривают. Вы скажете — подумаешь! Во многих сказках звери разговаривают. Да, это правда. Но приглядитесь, прислушайтесь к зверям Льюиса. Если б вы знали, как часто мудры их речи... Ах, простите, вы ведь это скоро узнаете. Можно сказать, что детские истории Льюиса — сказки, и все же они какие-то не просто сами по себе сказки. Клайв Льюис все время на что-то намекает, подмигивает, делает глаза, то страшные, то веселые. На что же он намекает... Может быть, вы сами догадаетесь «на что», и напишете нам?

Клайв Стейплз Льюис был не просто писателем, а еще профессором двух самых знаменитых в мире университетов — Оксфордского и Кембриджского. Он писал книги исторические, богословские, литературоведческие. По некоторым из них до сих пор учатся студенты университетов. Вот такой страшно ученый, а взял и написал книги для детей. Я иногда думаю, почему это книги для детей часто пишут люди серьезные, ученые, умные. И прихожу к выводу: ведь глупый посчитает глупостью писать книги для детей. А если и напишет, то читать их дети наверняка не будут. Ведь дети народ серьезный, мудрый, веселый и писать для них может писатель только с такими же качествами. Таким вот и был Клайв Льюис. Недаром он хорошо понимал слова Иисуса Христа, обращенные к людям: «Будьте как дети». Он знал, что Иисус хотел видеть людей открытыми, непосредственными, веселыми. Первую повесть из детской серии «Нарния» — «Лев, колдунья и платяной шкаф» напечатало в Москве в 1978 году издательство «Детская литература». А теперь мы вот решили продолжить это чудесное начало и спустя десять лет выпускаем две другие книги из этой серии. Согласитесь, названия их радуют сердце: «Племянник чародея» и «Серебряное кресло». Вообще-то они следуют в этой детской серии третьей и четвертой по счету. Да нет, мы знаем арифметику, просто переводы этих книг пришли из России раньше других. Но не расстраивайтесь, каждая из этой серии книг совершенно понятна даже когда читаешь не по порядку. А вообще, мы наметили выпустить все детские книги К.С.Льюиса.

С Льюисом знакомы взрослые и дети во многих частях света. Его любили тысячи, а может сотни тысяч людей. Из его книг видно, что и он отвечал на это любовью. Его книги наполнены чудесными библейскими символами, значениями, созвучиями. Вот хотя бы первая пришедшая на память строчка: «О дети Адама, как умеете вы защищаться от всего, что может принести вам добро!»

Какую бы книгу Льюиса вы ни взяли, особенно детскую, вы почувствуете под ее строчками подземный ручей, наполненный состраданием к ближнему, которое еще зовется любовью. Вы можете разглядеть источник, из которого вытекает ручей Сострадания. Источник этот — Христос. Ручей омывает человеческие сердца и души, и они оживляют, цветут, приносят удивительные плоды. Все это по-гречески называется агапе, на иврите — ахоб, ахава — Любовь Бога, Любовь Христа, Который сам есть ничто иное, как Любовь.

Быстро расскажу, как однажды Льюис проявил свою любовь. Он влюбился в женщину, и вдруг оказалась, что она больна раком. Вопреки логике мещан и прагматиков, он, узнав об этом, предложил ей выйти за него замуж. Эта женщина с именем Джой (радость) тоже его любила. Она должна была скоро умереть, но потому, что Льюис очень крепко и очень нежно ее любил, она прожила еще четыре года.

В предисловии к первой детской книжке Клайва Льюиса, изданной по-русски — «Лев, кол-

дуня и платяной шкаф» (Москва, 1978 год) указано, что он был антифашистом. И это правда, но еще Льюис был верующим, христианином. Во всех его книгах, как для детей, так и для взрослых, вдумчивый читатель увидит постоянное присутствие Добра с большой буквы. Дело в том, что Льюис был убежден: Добро присутствует в жизни благодаря Христу. Или же, оно само является Христом. Вроде бы я противоречу себе, только что говорил: Христос — это Любовь, а теперь: Христос — это Добро. Верны оба утверждения. И это не мое мнение, не мои выводы. Об этом говорит Библия, Слово Божье, которую писали люди под водительством (т. е. с помощью) Бога. Вот слова из Библии: «Бог — есть любовь»; «Любовь от Бога»; «Любовь Христова объемлет нас»; «Кто делает добро, тот от Бога»; «Я (Христос) есть пастырь добрый».

Наше издательство выпустило по-русски несколько отличнейших книг Льюиса для взрослых: «Письма Баламута», «Боль», «Сущность христианства». В них Льюис описывает, как его душа, разум везде ищут Иисуса, любят Иисуса, как они хотят узнать о Нем больше, лучше. И там же честный Клайв Льюис пишет о том, что люди, часто объединенные под красивыми вывесками, борются с Христом. Даже те, которые называют себя христианами.

Мы очень рады, что к большим и маленьким советским читателям возвращаются когда-то во многом отнятые замечательные писатели: О.Мандельштам, Н.Гумилев, Д.Хармс, М.Цветаева, Н.Олейников, Б.Пастернак, Е.Шварц. Возвращаются многие книги, а главное, на наш взгляд, — возвращается Библия. Возвращается возможность искать, находить, верить. Это окрашивает наше время в цвета надежды. Цвет Христа — белый, олицетворяющий чистоту, безгрешность. Белый цвет очищения и надежды становится сегодня во многом цветом России.

Я уже сказал: возвращаются имена писателей, книги. Но Христос в Россию не возвращается, Он всегда был там. Никакие оговоры, неправды и новые распятия не смогли запачкать Его белых одежд. Все эти годы Он был тем, кем назвал Себя когда-то: дорогой, истиной, смыслом жизни (помните: «Я есть путь, истина и жизнь»).

Наше желание продолжать знакомить вас с Льюисом совпало с желанием лучших людей России знакомить читателей с другими, когда-то отторгнутыми прекрасными писателями. Мудрый, веселый, добрый Льюис, несомненно, в их числе. И если когда-нибудь его книжки помогут вам совершить добро, быть честными, открыть для себя Бога, то мы будем считать, что выполнили желание Льюиса.

А теперь, ребята, держитесь. Мы отправляемся в путь за Клайвом Льюисом. И будет весело и грустно. А иногда будет страшновато. Но не бойтесь, ведь с вами будет Клайв Льюис, и Тот, Кого он так сильно любил.

Михаил Моргулис Чикаго, 1988 г.

Глава первая. О ТОМ, КАК ДЕТИ ОШИБЛИСЬ ДВЕРЬЮ

Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был еще маленьким. Ее очень важно прочесть, чтобы понять, как возникла связь между нашим миром и Нарнией.

В те дни на Бейкер-стрит еще жил Шерлок Холмс, а патер Браун еще не расследовал преступлений. В те дни мальчикам приходилось каждый день носить накрахмаленный белый воротничок, а школы по большей части были еще противней, чем сейчас. Но зато еда была лучше, а уж про сласти и говорить нечего, такие они были дешевые и вкусные. И в те самые дни жила в Лондоне девочка по имени Полли Пламмер.

Жила она в одном из тех домов, что стоят друг к другу вплотную. Как-то утром вышла она в крошечный сад за своим домом, и ее позвал, вскарабкавшись на изгородь, мальчик из соседнего садика. Полли удивилась, потому что до сих пор в этом доме не было никаких детей. Там жили мисс и мистер Кеттерли, одна — старая дева, другой — старый холостяк. Так что Полли глядела на мальчика с большим любопытством. Лицо у него было страшно перепачкано, будто он сначала копался в земле, потом плакал, потом утирал его рукой. Примерно так, надо сказать, оно и было.

— Привет, мальчик, — сказала Полли.

— Привет, — ответил мальчик. — Тебя как зовут?

— Полли. А тебя?

— Дигори.

— Смешное имя, — сказала Полли.

— Ничего смешного не вижу, — сказал мальчик.

— А я вижу, — сказала Полли.

— А я нет, — сказал мальчик.

— Я по крайней мере умываюсь, — сказала Полли. — Умываться вообще полезно, особенно... — Она хотела сказать «...после того, как поревешь», но решила, что это было бы невежливо.

— Подумаешь, плакал! — громко сказал мальчик. Был он так расстроен, что уже не мог обижаться на какую-то девчонку. — Будто бы ты не ревела, если б жила всю жизнь в настоящем саду, и у тебя был пони, и ты бы в речке купалась, а потом тебя притащили бы в эту дыру.

— Лондон не дыра! — возмутилась Полли. Но разгорячившийся Дигори не услышал ее слов.

— ...и если бы твой папа уехал в Индию, — продолжал он, — а ты бы приехала к тете и к дяде, а он оказался самым настоящим сумасшедшим, и все потому, что надо ухаживать за мамой, а она ужасно больная и вообще... умирает... — лицо его перекосилось, как всегда, когда силишься сдержать слезы.

— Извини, я не знала, — тихо сказала Полли. Что еще добавить, она представления не имела, и, чтобы только отвлечь Дигори, спросила:

— Слушай, а мистер Кеттерли, он что, правда сумасшедший?

— Ага, — сказал Дигори, — а может, и похуже. Он у себя в мансарде что-то делает, меня тетя Летти не пускает туда. Правда странно? Странно? И это еще не все! Он за обедом иногда хочет со мной заговорить — с теткой-то и не пробует, — а она сразу: «Эндрью, не беспокой ребенка», или: «Это Дигори ни к чему», или выгоняет меня в сад играть.

— Что же он хочет сказать?

— Кто его знает. И еще, знаешь что — я однажды, — в смысле вчера вечером — проходил мимо лестницы, а в мансарде кто-то кричит.

— Может, он там жену сумасшедшую держит?

— Я тоже подумал.

— Или деньги печатает.

— А может, он пират, как тот, в «Острове сокровищ», и от старых дружков прячется?

— Жутко интересно, — сказала Полли.

— Тебе интересно, — сказал Дигори, — а мне в этом домике спать приходится. Лежишь, а он к твоей комнате крадется. И глаза у него такие жуткие...

Так познакомились Полли и Дигори. Были каникулы, на море никто из них в тот год не ехал, и поэтому видятся они стали чуть ли не каждый день.

Приключения их начались еще и потому, что лето выпало на редкость дождливое. Приходилось сидеть в четырех стенах, а значит — исследовать дом. Просто удивительно, сколько можно обнаружить в одном доме или двух соседних домах, если у тебя есть свечка. Полли давно уже отыскала у себя на чердаке дверцу, за которой стоял какой-то бак, а за баком — что-то вроде темного прохода, куда можно было осторожно забраться. С одной стороны этого туннеля была кирпичная стена, а с другой — покатая крыша. Свет проходил туда сквозь просветы черепицы. Пола не было, и ступать приходилось по балкам. Под ними белела штукатурка, сквозь которую можно было запросто провалиться прямо в комнату. До конца туннеля Полли еще не добралась, зато в самом начале устроила эдакую пещеру контрабандистов — натаскала картонных коробок, сидений от сломанных стульев и положила между балками, чтобы получился пол. Там хранилась ее шкатулка с сокровищами, повесть, которую она сочиняла, и несколько сморщенных яблок. Еще она любила пить там имбирный лимонад, потому что какая же пещера без пустых бутылок?

Дигори пещера понравилась. Повесть ему Полли показывать не стала, но он захотел залезть подальше.

— Интересно, — сказал он, — докуда же тут можно дойти? Дальше твоего дома или нет?

— Дальше! — сказала Полли, — а докуда, я не знаю.

— Значит, можно пройти насквозь через все дома.

— Ага, — сказала Полли. — Ух!

— Ты чего?

— Мы в них залезть можем, вот что.

— Ну да, чтобы нас за воров приняли. Спасибо большое.

— Тоже мне, умник. Мы в пустой дом залезем, который сразу за твоим.

— А что там такое?

— Он пустой. Мой папа говорит, что там уже сто лет никого нету.

— Надо подумать, — сказал Дигори. На самом деле он порядком трусил, хоть и говорил бодрым голосом. Разумеется, вы бы на его месте тоже задумались, почему в этом доме никто так давно не живет. И Полли об этом тоже думала. Слово «привидения» ни один из них вслух не сказал. Но отступить уже было стыдно.

— Пошли? — сказал Дигори.

— Пошли, — сказала Полли.

— Не хочешь, не иди, — сказал Дигори.

— Я тебе не трусиха, — сказала Полли.

— А как мы узнаем, что мы находимся в том доме?

Они решили вернуться на чердак и, шагая, как в пещере, с балки на балку, отмерить, сколько балок приходится на каждую комнату. Потом они отвели бы балки четыре на промежуток между дальним и ближним чердаком у Полли, а на комнатку служанки — ровно столько, сколько на дальний чердак. Пройдя такое расстояние дважды, можно рассчитывать, что миновал уже оба дома и дальше идет тот, пустой.

— Я думаю, он не совсем пустой, — сказал Дигори.

— А какой же?

— Я думаю, там кто-нибудь скрывается, а ночью выходит, прикрывая фонарь. Наверное, это шайка отчаянных разбойников. Мы их поймаем и награду получим... Нет, не может дом столько лет стоять пустым.

— Папа думает, что там трубы протекают, сказала Полли.

— Взрослые вечно думают самое скучное, — сказал Дигори.

Теперь, при дневном свете, на чердаке, им как-то меньше верилось в привидения.

Измерив шагами чердак, они записали, что вышло, и у каждого получилось по-разному. Им как-то удалось столкнуться, хоть я и не уверен, что результат был правильный. Уж больно торопились они начать свое исследование.

— Ступай потише, — сказала Полли, когда они полезли в проход. Ради такого случая оба они взяли по свечке из обширных запасов Полли.

Проход был пыльный, холодный и темный. Мальчик и девочка ступали с балки на балку молча, только изредка шепча: «Вот твой чердак», или «Наш дом мы уже почти прошли». Они ни разу не споткнулись, свечки исправно горели, и до дверцы в конце концов Полли и Дигори дошли, только ручки на ней, конечно, не оказалось, потому что никто не входил в нее снаружи. Однако внутри ручка имела, а снаружи торчал стерженек, какой бывает внутри шкафа.

— Повернуть его? — спросил Дигори.

— Если не боишься, — ответила Полли, и повторила: — Я-то не трусиха.

Оба они поняли, что дело становится серьезным, но отступить было поздно. Дигори не без труда повернул стерженек. Сквозь распахнувшуюся дверь ударил солнечный свет. Перед ними была самая обыкновенная, хотя и пустоватая комната. Умирая от любопытства, Полли задула свечку и бесшумно, словно мышь, ступила внутрь.

Конечно, потолок здесь был скошен, но мебель стояла самая заурядная. Стены были скрыты полками, сплошь уставленными книгами, в камине горел огонь (вы помните, что лето стояло холодное), а перед камином красовалось высокое кресло. Между этим креслом и Полли, посередине комнаты, располагался большой стол с книгами, блокнотами, чернильницами, перьями, сургучом и микроскопом. Но первым делом в глаза бросался ярко-алый деревянный поднос, на котором лежали удивительно красивые кольца, разложенные по два — желтое с зеленым, а неподалеку — еще одна такая пара. Кольца были самого обычного размера, но зато сверкали так дивно, что представить даже невозможно. Будь Полли помладше, ей бы непременно захотелось засунуть одно из них себе в рот.

В комнате царила такая тишина, что Полли сразу услышала тиканье часов. И все-таки тишину нарушал еще какой-то ровный гул. Если б в те годы уже изобрели пылесос, то Полли подумала бы, что именно он работает за несколько комнат и этажей отсюда. Но звук был приятней, чем у пылесоса, как-то музыкальнее, и к тому же очень, очень тихий.

— Заходи, тут нет никого, — сказала она, и перепачканный Дигори, мигая, вышел из прохода. Полли, конечно, тоже была вся в пыли.

— Стоило лезть! — воскликнул он. — Никакой он не пустой. Давай-ка уйдем, пока хозяева не вернулись.

— А что это за кольца по-твоему?

— Нам-то какое дело, — сказал Дигори. Давай...

Но договорить ему не удалось, вдруг, откуда-то, словно в пантомиме, вылез дядя Эндрью. Они были не в пустом доме, а у Дигори, и к тому же в заповедной мансарде! Дети хором ахнули. Что за глупая ошибка! Теперь обоим казалось, что иначе и быть не могло, уж слишком мало они прошли по чердакам.

Дядя Эндрью был очень длинным и тощим, с вытянутым лицом, острым носом, с блестящими глазками и седыми всклокоченными волосами. Сейчас он казался в сто раз страшней, чем обычно. Дигори просто онемел. Полли испугалась меньше, но и ей стало не по себе, когда дядя Эндрью молча прошел к дверям и запер их на ключ. После этого он повернулся к детям и оскалил свои острые зубы в улыбке.

— Ну вот, — сказал он, — теперь моя дура-сестрица до вас не доберется!

Полли никогда не думала, что от взрослых можно ожидать такого, и душа у нее ушла в пятки. Они с Дигори попятились было к дверце, через которую попали в комнату, но дядя обогнал их — сначала запер дверь, а потом стал перед нею, и потер руки так, что его длинные белые пальцы затрещали.

— Очень рад вас видеть, — сказал он. — Двое детишек! Это как раз то, чего мне не хватало!

— Мистер Кеттерли, — сказала Полли, — мне пора обедать, меня дома ждут. Отпустите нас, пожалуйста.

— Со временем, — сказал дядя Эндрью. — Нельзя упускать такого случая. Мне не хватало именно двух детей. Видите ли, я ставлю уникальный опыт. С морской свинкой, видимо, получилось. Но что может рассказать свинка? И ей вдобавок не объяснишь, как вернуться.

— Дядя, — сказал Дигори, — нам правда обедать пора, нас искать станут. Вы должны нас отпустить.

— Должен? — переспросил дядя Эндрью.

Дигори и Полли переглянулись, как бы говоря друг другу: «Надо к нему подлизаться».

— Если вы нас выпустите, — сказала Полли, — мы после обеда вернемся.

— Кто вас знает? — сказал дядя Эндрью, хитро усмехаясь, но тут же передумал.

— Отлично, — проговорил он, — надо так надо. На что нужен таким детям какой-то скучный старикашка. — Он вздохнул. — Если бы вы знали, как мне бывает одиноко. Да что там... Ладно, ступайте обедать. Только сначала я вам кое-что подарю. Не каждый день у меня бывают маленькие посетительницы, особенно такие симпатичные.

Полли подумала, что он не такой уж и сумасшедший.

— Хочешь колечко, душенька? — спросил ее дядя Эндрью.

— Желтое и зеленое? — спросила она. — Ой, какая прелесть!

— Нет, зеленое нельзя, — сказал дядя, очень жаль, но зеленого я тебе подарить не могу. А вот желтое — всегда пожалуйста. Носи на здоровье. Ну, бери!

Полли перестала бояться, к тому же кольца и впрямь как-то завораживали, притягивали к себе. Она двинулась к ним.

— Слушайте!.. Это ведь колечки гудят!

— Что за странная мысль! — засмеялся дядя. Смех его звучал вполне естественно, а вот выражение дядиных глазок Дигори не понравилось.

— Полли, не дури! — крикнул он. — Не трогай!

Но было поздно. Не успел он договорить, как Полли коснулась одного колечка и сразу же, без единого звука, исчезла. Дигори остался наедине с дядей.

Глава вторая. ДИГОРИ И ЕГО ДЯДЯ

Случилось это так неожиданно, и так походило на страшный сон, что Дигори вскрикнул. Дядя Эндрью, зажимая ему рот рукой, прошипел: «Не смей!», и прибавил помягче: «Твоя мама услышит. Ей волноваться опасно».

Дигори потом говорил, что его просто затошнило от такой подлой уловки. Но кричать он, конечно, больше не стал.

— То-то же! — сказал дядя. — Ничего не поделаешь, всякий бы поразился. Я и сам удивлялся вчера, когда исчезла морская свинка.

— Так это вы кричали? — спросил Дигори.

— Ах, ты слышал! Ты что, следишь за мною?

— Нет, — сердито сказал Дигори. — Вы лучше объясните, что случилось с Полли?

— Поздравь меня, мой мальчик, — дядя Эндрью снова потер руки,

— опыт удался. Девочка исчезла. Сгинула. В этом мире ее больше нет.

— Что вы с ней сделали?

— Послал... хм... в другое место.

— Ничего не понимаю, — сказал Дигори.

— Что ж, я тебе объясню. — Дядя Эндрью опустил в кресло. Ты когда-нибудь слышал о миссис Лефэй?

— Нашей двоюродной бабушке? — вспомнил Дигори.

— Не совсем, — сказал дядя Эндрью, — она моя крестная. Вон ее портрет, взгляни.

На выцветшей фотографии Дигори увидел престарелую даму в чепчике. Такой же портрет, вспомнил он, лежал в комод у него дома, и мама замялась, когда он спросил ее, кто на нем изображен. Лицо было не слишком приятное, но, может, виновата старая фотокарточка...

— Кажется... кажется, она была не совсем хорошая? — спросил он.

— Ну, — хихикнул дядя Эндрью, — все зависит от того, что считать хорошим. Люди очень узки, мой друг. Допустим, у нее были странности, были чудачества. Иначе ее не посадили бы.

— В сумасшедший дом?

— О, нет, ни в коем случае! — возмутился дядя. — В тюрьму.

— Ой! — сказал Дигори. — За что?

— Бедняжка! — вздохнул дядя. — Ей чуть-чуть не хватало благоразумия. Но не будем вдаваться в подробности. Ко мне она всегда была добра.

— При чем тут это все! — вскричал Дигори. — Где Полли?

— Все мое время, мой друг, — сказал дядя. — После того, как миссис Лефэй выпустили, она почти никого не хотела видеть. Я был среди тех немногих, кого она продолжала принимать. Понимаешь, во время последней болезни ее стали раздражать обычные, скучные люди. Собственно, они раздражают и меня. Кроме того, у нас были с ней общие интересы. За несколько дней до смерти она велела мне открыть тайничок в ее шкафу и принести ей маленькую шкатулку. Стоило мне взять ее в руки, и я прямо затрясся, почувствовав тайну. Крестная приказала не открывать ее, а сжечь, с известными церемониями. Разумеется, я ее не послушался.

— И очень зря, — сказал Дигори.

— Зря? — удивился дядя. — Ах, понимаю. По-твоему, надо держать слово. Резонно, мой милый, очень советую. Но, сам понимаешь, такие правила хороши для детей, слуг, женщин, вообще людей, но никак не для мудрецов и ученых. Нет, Дигори. Причастный к тайной мудрости свободен и от мещанских радостей, и от мещанских правил. Судьба наша, мой мальчик, возвышенна и необыкновенна. Мы одиноки в своем высоком призвании... — Он вздохнул с такой благородной печалью, что Дигори на мгновение посочувствовал ему, покуда не вспомнил дядины глазки, когда тот предлагал Полли кольцо, и не подумал: «Ага, он клонит к тому, что может делать все, что ему угодно!»

— Конечно, я не сразу открыл шкатулку, — продолжал дядя. — Я боялся, нет ли в ней чего-нибудь опасного. Моя крестная была чрезвычайно своеобразной дамой. Собственно, она была последней из смертных, в ком еще текла кровь фей. Сама она застала еще двух таких женщин — герцогиню и уборщицу. Ты, Дигори, беседуешь с последним человеком, у которого крестной матерью была фея. Будет что вспомнить в старости, мой мальчик!

«Ведьма она была, а не фея!» — подумал Дигори. Вслух он спросил:

— Но что же с Полли?

— Ты все о том же! — сказал дядя. — Разве в Полли дело? Сперва, конечно, я предпринял осмотр шкатулки. Она была весьма старинная. Я сразу понял, что ее изготовили не в Греции, не в Египте, не в Вавилоне, не в стране хеттов и даже не в Китае. Она была еще древнее. Наконец, в один поистине великий день я понял, что сделали ее в Атлантиде. В Атлантиде, на затонувшем острове! Это значило, что шкатулка моя на много веков древнее всех допотопных черепков, которые выкапывают в Европе. Она была не чета этим грубым находкам. Ведь Атлантида с древнейших времен была великой столицей, с дворцами, храмами и замечательными мудрецами.

Он подождал немного, но Дигори не восхищался. С каждой минутой дядя нравился ему все

меньше и меньше.

— Тем временем, — продолжал дядя, — я занимался изучением разнообразных предметов, о которых ребенку не расскажешь. Так что постепенно я начал догадываться о содержимом моей шкатулки. Путем различных научных экспериментов мне удалось установить, так сказать, наиболее правдоподобные гипотезы. Пришлось познакомиться с... как бы выразиться... дьявольски странными личностями, и пройти через довольно отталкивающие испытания. Вот почему я раньше времени поседел. Стать чародеем — дело нешуточное. Я вконец испортил здоровье, хоть мне и получше в последнее время. Но главное — что я узнал.

Подслушивать было некому, но дядя все же подвинулся к Дигори и понизил голос.

— То, что было в шкатулке, — не из нашего мира, и очутилось у нас, когда наш мир только-только начинался.

— Но что же там все-таки было? — спросил Дигори, поневоле захваченный рассказом.

— Пыль, — отвечал дядя Эндрью, — сухая пыль, вот какую награду я получил за свой многолетний труд! Вроде бы и смотреть не на что. Но я-то посмотрел, не тронул, но взглянул! Ведь каждая пылинка там была из иного мира, понимаешь ли ты, не с другой планеты — ведь планеты тоже часть нашего мира, до них можно добраться если долго лететь, — а из мира по-настоящему другого. Словом, из такого мира, куда можно попасть исключительно с помощью волшебства. — И дядя снова потер руки так, что пальцы у него затрещали.

— Я понимал, разумеется, — продолжал он, — что эта пыль может перенести в другие миры, если слепить из нее то, что надо. Но что же именно? И как? Масса моих экспериментов пропала впустую. Морские свинки просто подышали, или их разрывало на части...

— Какой ужас! — перебил его Дигори. У него была когда-то морская свинка.

— При чем тут ужас? Свинки для того и созданы. А покупал я их на свои собственные деньги. Так вот, о чем же я... Да, наконец мне удалось изготовить из пыли колечки, желтые кольца. Тут обнаружилось новое затруднение. Несомненно, колечки перенесли бы моих подопечных, куда надо, стоит до них дотронуться. Однако, что толку! Как же мне было узнать, что там? Как вернуть зверьков обратно?

— А о самих свинках вы подумали? — проворчал Дигори.

— Ты не умеешь мыслить научно, — нетерпеливо сказал дядя Эндрью. — Ты не понимаешь, что являешься свидетелем эксперимента века? Я ведь посылаю туда свинок именно затем, чтобы узнать, что там и как.

— Почему вам самому туда не отправиться, в этот иной мир?

Дигори в жизни не видел такого искреннего удивления, негодования и обиды в ответ на такой простой вопрос.

— Кому, мне? — воскликнул дядя. — Ты спятил! В мои лета, с моим здоровьем идти на такой риск, отправляться в совершенно незнакомую вселенную? Что за нелепость! Ведь в этих мирах может случиться все, что угодно!

— А Полли теперь там, — Дигори побагровел от гнева, — это... это подлость! Хоть ты мне и родной дядя, а только настоящий трус отправит в такое место девочку вместо себя.

— Молчать! — дядя Эндрью хлопнул рукой по столу. — Я не позволю так с собой разговаривать грязному мальчишке. Я великий ученый, я чародей, посвященный в тайные науки, я ставлю эксперимент. Как же мне обойтись без подопытных... э-э... существ? Ты еще скажешь, что и морских свинок нельзя было посылать, не испросив их согласия! Наука требует жертв. Приносить их самому смешно. Разве генералы ходят в атаку? Положим, я погибну. Что же тогда будет с делом моей жизни?

— Ну, хватит с меня! — невежливо крикнул Дигори. — Как вернуть Полли?

— Именно об этом я и хотел сказать, когда ты так грубо меня перебил. Мне удалось найти способ. Для этого требуется зеленое кольцо.

— У Полли зеленого кольца нет, — возразил племянник.

— Вот именно, — дядя жутко улыбнулся.

— Получается, что она не вернется. Вы ее убили!

— Отнюдь нет. Она вполне может вернуться, если кто-нибудь отправится за ней вслед со своим желтым кольцом и двумя зелеными

— одним для нее, одним для самого себя.

Тут Дигори понял, в какую он попал ловушку. Побледнев, он молча уставился на дядю.

— Надеюсь, — с достоинством произнес дядя Эндрью, — надеюсь, мой мальчик, что ты не трус. Я был бы крайне огорчен, если бы член нашего семейства по недостатку рыцарских чувств и чести оставил бы женщину в беде.

— Сил моих нет! — снова крикнул Дигори. — Будь у вас хоть капля чести у самого — вы бы сами туда и отправились. Я все понял, хватит. Только один из нашей семьи уж точно подлец. Это же все было подстроено!

— Разумеется, — продолжал улыбаться дядя Эндрью.

— Что ж, я пойду, — сказал Дигори. — Раньше я не верил в сказки, а теперь верю. В них есть своя правда. Ты злой чародей. А такие в сказках всегда получают по заслугам.

Дядю в конце концов проняло. Он так испугался, что при всей его подлости вы бы его пожалели. Поборов минутный ужас, он вымученно хихикнул.

— Ох уж мне эти дети! Вот оно, женское воспитание, дурацкие сказки... Ты обо мне не беспокойся. Лучше о своей подруге подумай. Жаль было бы опоздать.

— Что же мне делать? — спросил Дигори.

— Прежде всего, научиться владеть собой, — назидательно молвил дядя. — А не то станешь таким, как тетя Летти. Теперь слушай.

Он встал, надел перчатки и подошел к подносу.

— Кольцо действует только в том случае, если касается кожи, — начал он. — Видишь, я беру их рукой в перчатке, и ничего не происходит. В кармане они безопасны, но стоит коснуться их голой рукой — и тут же исчезнешь. Там, в другом мире, случится то же самое, если тронуть зеленое кольцо. Заметь, что это всего лишь гипотеза, которая требует проверки. Итак, я кладу тебе в карман два зеленых кольца. В правый карман, не перепутай. Желтое бери сам. Я бы на твоём месте надел его, чтобы не потерять.

Дигори потянулся было к кольцу, но вдруг спросил:

— А как же мама? Она ведь будет спрашивать, где я?

— Чем скорее ты исчезнешь, тем скорее вернешься, — отвечал дядя.

— А вдруг я не вернусь?

Дядя Эндрью пожал плечами.

— Воля твоя. Иди обедать. Пускай ее хоть звери съедят, пускай хоть утонет, хоть с голоду умрет в Другом Мире, если тебе все равно. Только будь уж любезен, скажи в таком случае миссис Пламмер, что ее дочка не вернется, потому что ты побоялся надеть колечко.

— Ах, был бы я взрослым — вздохнул Дигори. — Вы бы у меня тогда поплясали!

Потом он застегнулся получше, глубоко вздохнул и взял кольцо. Потом, вспоминая, он был уверен, что не мог поступить иначе.

Глава третья. ЛЕС МЕЖДУ МИРАМИ

Дядя Эндрью немедленно исчез вместе со своим кабинетом. На минуту все смешалось, а потом Дигори увидел под собой тьму, а наверху — ласковый зеленый свет. Сам он ни на чем не стоял, не сидел и не лежал, ничто его не касалось, и он подумал: «Наверное, я в воде... нет, под водой...» Не успев испугаться, он вдруг вырвался головою вперед на мягкую траву, окаймлявшую небольшую пруд.

Поднявшись на ноги, он заметил, что ничуть не задыхается, и воздуха ртом не хватает. Странно — он ведь вроде бы только что был под водой! Одежда его была суха. Пруд — крошечный, словно лужа, всего метра три в поперечнике, находился в лесной чаще. На деревьях, стоящих сплошь, было столько листьев, что неба Дигори не видел — вниз падал только зеленый свет. Однако наверху, должно быть, сияло солнце, потому что даже пройдя сквозь листву, свет оставался радостным и теплым. Стояла невообразимая тишина — ни птиц, ни насекомых, ни зверьков, ни ветра, — и казалось, что слышишь, как растут деревья. Прудов было много — Дигори видел не меньше десятка, — и деревья словно пили воду корнями. Лес казался исполненным жизни, и Дигори, рассказывая о нем впоследствии, говорил: «Он был такой свежий, он просто дышал, ну... прямо как свежий сливовый пирог».

Как ни странно, Дигори почти забыл, зачем он сюда явился. Он не думал ни о дяде, ни о Полли, ни даже о маме. Он не боялся, не беспокоился, не мучился любопытством. И если б его спросили, откуда он явился, он бы ответил, что всегда жил в этом лесу. Он и впрямь чувствовал,

что родился здесь, и никогда не скучал, хотя в лесу никогда ничего и не происходило. «Там никаких событий не бывает, — рассказывал он после, — ничего нет, только деревья растут, и все».

Постояв, он наконец увидел неподалеку лежащую в траве девочку. Глаза у нее были закрыты, но не совсем, словно она просыпалась. Покуда он глядел на девочку, она раскрыла глаза и стала смотреть на него, а потом проговорила сонным голосом:

— Кажется, я тебя где-то встречала.

— И мне так кажется, — сказал Дигори. — Ты давно здесь?

— Всегда, — отвечала девочка. — То есть, ужасно давно.

— Я тоже.

— Нет, нет. Ты только что вылез из пруда.

— Ой, правда, — сказал Дигори. — Я забыл.

Они молчали.

— Знаешь, — начала девочка, — мы, наверное, и вправду встречались. Что-то я припоминаю такое... что-то вижу... место какое-то... Или это сон?

— Я этот сон тоже видел, — сказал Дигори, — про мальчика и девочку, которые жили в соседних домах... и полезли куда-то... У девочки еще лицо было перепачкано...

— Ты путаешь. Это у мальчика...

— Мальчика я не видел, — сказал Дигори и вдруг вскрикнул: — Ой, что это?

— Морская свинка, — отвечала девочка. — И действительно, в траве возилась пухленькая морская свинка, подпоясанная ленточкой, к которой было привязано сверкающее желтое кольцо.

— Смотри! — закричал Дигори. — Смотри, кольцо! И у тебя такое... и у меня тоже.

Девочка очнулась и приподнялась. Они напряженно глядели друг на друга, пытаясь что-то припомнить, покуда не закричали в один голос:

— Мистер Кеттерли!

— Дядя Эндрью!

Наконец-то они вспомнили, откуда и как сюда попали. На это ушло порядочно времени и сил. Дигори рассказал девочке про все подлости своего дяди.

— Но что же нам делать? — спросила девочка. — Забрать свинку и вернуться?

— А куда спешить? — зевнул Дигори во весь рот.

— Нет, давай поторопимся, — возразила Полли. — Слишком тут спокойно, сонно как-то. Смотри, ты же на глазах засыпаешь. Вот поддадимся — и совсем навсегда заснем.

— Здесь хорошо, — сказал Дигори.

— Хорошо-то хорошо, — не сдавалась Полли, а вернуться все равно надо.

Поднявшись на ноги, она потянулась было к свинке, но передумала.

— Оставим ее, — сказала Полли. — Кому кому, а ей тут неплохо. Дома твой дядюшка опять ее мучить начнет.

— Точно, — согласился Дигори. — Ты только подумай, что он нам с тобой за гадость устроил! Кстати, а как же нам домой-то вернуться?

— Наверно, нужно нырнуть в этот пруд, — предположила Полли.

Они подошли к пруду. Зеленая, мирная вода, в которой отражались листья, казалась бездонной.

— А купальники? — спросила Полли. — А плавать ты умеешь?

— Немножко. А ты?

— М-м... совсем плохо.

— Плавать нам не придется, — сказал Дигори. — Только нырнуть. И купальников не нужно. Так и нырнем одетые. Ты что, забыла, как мы сюда вышли совсем сухие?

Ни мальчику, ни девочке не хотелось признаваться в том, как они боялись нырять. Взявшись за руки, они отсчитали: «Раз-два-три — плюх!» — и прыгнули в воду. Раздался всплеск. Едва зажмурившись, Полли и Дигори снова открыли глаза и увидели, что стоят в мелкой луже, все в том же зеленом лесу. Вода в пруду едва доходила им до щиколоток.

— В чем же дело? — Полли испугалась, но не особенно. По-настоящему в этом лесу никто бы не испугался — уж слишком там было спокойно.

— Я знаю! — сказал Дигори. — На нас желтые кольца, так? Они переносят сюда. А зеленые — домой! Карманы у тебя есть? Отлично. Положи-ка желтое в левый. Зеленые у меня. Держи, од-но тебе.

Надев на пальцы по зеленому колечку, они снова пошли к пруду, как вдруг Дигори воскликнул:

— Слушай!

— Ты что? — спросила Полли.

— Мне потрясающая мысль в голову пришла, — отвечал мальчик. — Куда ведут остальные пруды?

— То есть как?

— А так. Через этот пруд мы вернулись бы в наш мир. А через другие? Может, каждый ведет в свой собственный другой мир?

— А разве мы уже не в другом мире? Ты же сам говорил. И дядюшка твой тоже...

— Ну его, дядюшку! Ни фига он не знает. Сам-то, небось, никуда в жизни не нырял. Допустим, ему кажется, что есть наш мир и еще один другой. А если их много?

— И это один из них?

— Нет. Это, по-моему, вовсе не мир, а так, промежуточное такое место.

Полли не поняла, и он принялся объяснять ей.

— Ужасно легко понять. Проход в нашем доме, допустим, он же не комната? Но из него можно попасть в другие комнаты. Он вроде и не часть никакого дома, но если уж ты в него попала, то иди на здоровье, и попадешь в любой соседний дом, так? Вот и лес этот такой. Эдакое место, которое само по себе вроде бы и нигде, а зато из него можно попасть куда угодно.

— Хотя бы и так, — начала было Полли, но Дигори знай гнул свое.

— Разумеется, так! — торопился он. — Теперь все ясно! Вот почему здесь так тихо и сонно. Чему здесь случаться? Это в домах люди едят, разговаривают, занимаются всякими делами. А между стенками, и над потолками, и в проходе дома ничего не происходит. Зато из такого местечка можно пробраться куда хочешь. И зачем нам сдался наш пруд? Давай попробуем в другой нырнуть, а?

— Лес между мирами, — заворуженно проговорила Полли. — Вот красота!

— Ну, куда будем нырять? — настаивал Дигори.

— Лично я никуда нырять не собираюсь, пока мы не узнаем, можно ли вообще вернуться, — сказала Полли. — Откуда нам знать, что все именно так, как ты тут говоришь?

— Чушь, — сказал Дигори, — Ты хочешь обратно в руки к дядюшке угодить? Чтобы он тут же наши кольца отобрал? Нет уж, спасибо.

— Давай нырнем немножко, — упрямилась Полли, — не до конца. Только проверить. Если хорошо пойдет, то сменим кольца и сразу вынырнем обратно.

— А разве можно повернуть назад, когда ты уже там?

— Мы же не сразу здесь очутились. Значит, время будет.

Дигори пришлось в конце концов сдаться, потому что Полли наотрез отказалась нырять в другие миры, не проверив свое предположение. Она вовсе не уступала Дигори в смелости (например, не боялась ни ос, ни пчел), только была не такой любопытной. А Дигори был из тех, кому надо знать все, и он впоследствии стал тем самым профессором Керком, который участвует в других наших приключениях.

После долгих споров дети наконец условились надеть зеленые кольца, нырнуть, но при первом же виде кабинета дяди Эндрю или даже тени своего собственного мира Полли должна будет крикнуть: «Меняй!», чтобы оба они мгновенно сняли зеленые кольца и надели желтые. Кричать хотел Дигори, но Полли не уступала ему этой чести. Словом, зеленые колечки они надели, за руки взялись, и в воду прыгнули. Все на этот раз сработало, только описать происходившее трудно — уж очень быстро все случилось. Сначала показалось черное небо с мелькающими огоньками, потом пронесся полупрозрачный Лондон, потом раздался крик Полли и все снова сменилось мерцающим зеленым светом. Через каких-нибудь полминуты они снова очутились в тихом лесу.

— Действует! — сказал Дигори. — Ну, какой нам пруд выбрать?

— погоди, — сказала Полли, — давай сперва этот запомним.

Дети не без испуга переглянулись. И впрямь, просто так нырять было бы опрометчиво. Ведь прудов было несметное множество, и все похожи друг на друга. Деревья тоже были все одинаковые, так что не отметить Полли и Дигори тот пруд, который вел обратно в наш мир, они бы так и пропали, не сумели бы его разыскать. Дрожащей рукой открыв перочинный ножик, Дигори вырезал на берегу пруда полоску дерна. Глина под ней издавала довольно приятный запах.

— Хорошо, что хоть один из нас кое-что соображает, — сказала тем временем Полли.

— Кончай, — отвечал Дигори, — давай-ка другие пруды посмотрим.

Полли ему что-то ответила, он тоже не смолчал, и препирались они битых десять минут (только читать об этом было бы скучно).

Посмотрим-ка лучше, как они стоят у другого пруда: держатся за руки, сердца бьются, лица бледные. Вот они надели желтые кольца, вот отсчитывают свое «Раз-два-три — плюх!»

И снова ничего не вышло! Только ноги они во второй раз за утро намочили. Если, конечно, это было утро — в лесу между мирами всегда одно и то же время.

— Тыфу ты! — сказал Дигори. — В чем же загвоздка? Кольца желтые, все в порядке. Дядюшка же говорил, что надо желтые надеть, чтобы в другой мир попасть.

А дело было в том, что дядя Эндрю о промежуточном месте не имел никакого понятия, и потому все перепутал. Желтые кольца вовсе не уносили из нашего мира в другой, а потом обратно. Ошибался дядя. Пыль, из которой он их изготовил, когда-то лежала тут, в промежуточном месте. Так что желтые колечки тянули того, кто их касался, обратно в родной лес. А пыль для зеленых колечек была совсем другая, она из леса выталкивала. Словом, желтые колечки переносили в этот лес, а зеленые — в любой из других миров. Многие чародеи, между прочим, не ведают, что творят. Да и сам Дигори не слишком-то понимал, что к чему. В конце концов он обо всем догадался, только было это много лет спустя. А покуда дети решили просто наугад надеть зеленые колечки и посмотреть, что случится.

— Кто-кто, а я не струшу, — приговаривала Полли. На самом деле ей казалось, что ни те, ни другие колечки в новом пруду уже не сработают, и что они с Дигори только лишний раз промочат ноги. Не исключено, что и Дигори тайком надеялся на то же самое. Во всяком случае, вернулись они к пруду уже не такие серьезные и перепуганные. Так что — снова надели колечки, взяли за руки, и куда веселее, чем раньше, отсчитали:

— Раз-два-три — плюх!

Глава четвертая. МОЛОТ И КОЛОКОЛ

На сей раз волшебство подействовало. Пролетев сначала сквозь воду, а потом через тьму, они увидели непонятные очертания каких-то предметов. Ноги их ощутили твердую поверхность, расплывчатая мгла сменилась четкими линиями, и Дигори воскликнул:

— Ничего себе местечко!

— Страшно противное, — вздрогнула Полли.

Первым делом они заметили свет, непохожий ни на солнечный, ни на газовый, ни на пламя свечей — вообще ни на что не похожий. Был он тусклый, мрачный, багряно-бурый, очень ровный. Стояли дети на мостовой среди каких-то зданий, может быть — на мощеном внутреннем дворе. Небо над ними было темно-синим, почти черным, и они не могли понять, откуда идет свет.

— Экая странная погода, — сказал Дигори.

— Мерзкая, — откликнулась Полли.

— То ли гроза будет, то ли затмение.

Говорили они почему-то шепотом, все еще держась за руки.

Вокруг них на высоких стенах зияло множество незастекленных окон, черных, словно дыры. Под ними чернели арки, похожие на входы в туннели. Погода стояла довольно холодная. Красно-вато-бурый камень арок и стен был совсем древний, а может, просто казался старым из-за странного освещения. Камень мостовой сплошь покрывали трещины. Стертые булыжники лежали неровно, а одну из арок наполовину заваливал щебень. Дети медленно оглядывались, страшась кого-нибудь увидеть в оконном проеме.

— Ты как думаешь, здесь живут? — прошептал Дигори.

— Нет, — сказала Полли. — Это, ... ну как их, руины. Слышишь, как тихо.

— Давай еще послушаем, — предложил Дигори.

Прислушавшись, они услышали разве что биение собственных сердец. Тихо было, как в лесу, только совсем по-другому. Там была тишина теплая, полная жизни, даже казалось, что слышно, как растут деревья. А здешняя была злая, пустая и холодная. И расти тут вряд ли что вообще могло.

— Пошли-ка домой, — сказала Полли.

— Да мы еще не видели ничего. Давай хоть оглядимся.

— И оглядываться нечего.

— Ну, если ты боишься...

— Кто это боится? — Полли выпустила его руку.

— Смотреть-то ты не хочешь.

— Ладно, пойдем.

— Не понравится — сразу исчезнем, — сказал Дигори. — Давай зеленые колечки снимем и положим в правый карман, а желтые так и останутся в левом. Только захотим, тронем кольцо левой рукой, и пожалуйста!

Так они и сделали: переложили кольца и отправились к одной из арок. Она вела в дом, не такой темный, как им показалось поначалу. С порога огромной пустой залы они различили в ее дальнем конце соединенные арками колонны. Осторожно добравшись до них, они вышли в другой двор, с донельзя ветхими стенами.

— Стоят, — сказал Дигори перепугавшейся Полли, — значит, не падают. Главное — ступать тихо, а не то, конечно, обвалятся. Знаешь, как лавины в горах.

Так шли они из одного просторного двора в другой, покуда не увидели в одном из них фонтан. Только вода из пасти какого-то чудовища уже не текла, и в самом фонтане давно высохла. Неведомые растения на стенах тоже невесть когда засохли, все было мертвое — ни живых тварей, ни пауков, ни букашек, ни даже травы.

Дигори заскучал по зеленому, живому теплу леса между мирами, и уже совсем собрался тронуть заветное желтое колечко, когда перед ним вдруг предстали высоченные двери, похожие на золотые. Одна была приоткрыта. Заглянув в нее, дети замерли, раскрыли рты от удивления.

Сперва им показалось, что вся зала полна народу, тихо сидящего вдоль стен. Но живые люди непременно бы пошевелились, пока дети, не двигаясь, их разглядывали. Так что Дигори и Полли решили, что перед ними восковые фигуры, только очень уж искусно сработанные, совсем как живые.

Тут уж любопытство охватило Полли, потому что фигуры эти были облачены в невероятные наряды. Как их описать? Сказать, что наряды были волшебные? Небывалые? Поразительные? Скажу только, что на голове у каждой фигуры блистала корона, а сами одежды были всех цветов радуги — алые, серебристые, густо-лиловые, изумрудные, расшитые самыми причудливыми узорами, словно в рыцарском замке. И на коронах, и на одеждах сверкали огромные драгоценные камни.

— А почему эти платья не истлели? — поинтересовалась Полли.

— Они заколдованы, — сказал Дигори, — не чувствуешь разве? Тут вообще все заколдовано, я сразу понял.

— Дорогие-то какие, — сказала Полли.

Но Дигори больше интересовали сами фигуры, их лица. Тут и впрямь нельзя было отвести взгляда. И мужские, и женские лица сияли красотой, добротой и, как показалось Дигори, мудростью. Однако стоило детям пройти несколько шагов — и лица начали становиться все важнее и надменней. К середине ряда они стали попросту жестокими, а еще дальше — и безрадостными вдобавок, словно у их обладателей ни в делах, ни в жизни не было ничего хорошего, одни ужасы. А самая последняя, дама редкостной красоты, глядела так злобно и гордо, что дух захватывало. Много позже, в старости, Дигори говорил, что никогда не видел такой прекрасной женщины. А Полли при этом добавляла, что никак не поймет, что же в ней такого красивого.

Дама, как я уже сказал, сидела последней, но и за ней стоял ряд пустующих кресел.

— Что бы это все значило? — сказал Дигори. — Ты посмотри, тут стул посередине, и на нем лежит что-то.

Собственно, Дигори увидел не стол, а широкую низкую колонну. На ней лежал золотой молоток, а рядом на золотой дужке висел колокол, тоже золотой.

— Тут написано что-то, — сказала Полли.

— Правда. Только мы все равно не поймем.

— Почему же? Давай попробуем.

Конечно, письма были странные. И однако, к немалому удивлению Дигори, они становились все понятней, пока он к ним присматривался. Если бы мальчик вспомнил свои собственные слова, он бы понял, что и тут действует колдовство. Но его так мучило любопытство, что он ни-

чего не вспомнил. Скоро он разобрал надпись. На каменной колонне были высечены примерно такие слова:

«Выбирай, чужеземец! Если ты позвонишь в колокол — пеняй на себя. Если не позвонишь — терзайся всю жизнь».

— Не буду я звонить, — сказала Полли.

— Здорово! — воскликнул Дигори. — Что ж, так и прикажешь всю жизнь мучиться?

— Глупый ты. Кто же тебе приказывает мучиться?

— А колдовство? Заколдуют, и буду мучиться. Я вот, например, уже сейчас мучаюсь. Колдовство действует.

— А я нет, — отрубила Полли. — И тебе я не верю. Ты притворяешься.

— Разумеется, ты же девчонка, — сказал Дигори. — Вашему брату на все наплевать, кроме сплетен, да всякой чепухи насчет того, кто в кого влюблен.

— Ты сейчас вылитый дядюшка Эндрию, — сказала Полли.

— При чем тут дядюшка? Мы говорим, что...

— Типичный мужчина! — сказала Полли взрослым голосом, и тут же прибавила: — Только не вздумай отвечать, что я типичная женщина. Не дразнись.

— Стану я называть женщиной такую козявку!

— Это я-то козявка? — Полли рассердилась по-настоящему. — Ладно, не стану мешать. С меня хватит. Совершенно мерзкое место. А ты — воображала и поросенок!

— Стой! — закричал Дигори куда противнее, чем хотел. Он увидел, что Полли вот-вот сунет руку в карман с желтым колечком. Мне его трудно оправдать. Могу только сказать, что он — и не только он один — потом очень и очень жалел о том, что сделал. Он схватил Полли за руку, а сам левой рукой дотянулся до молота и ударил по колоколу. Потом отпустил девочку, и они молча уставились друг на друга. Полли собралась было зареветь, причем не от страха, а от злости, но не успела.

Звон был мелодичный, не слишком оглушительный, зато непрерывный и нарастающий, так что минуты через две дети уже не могли говорить, потому что не услышали бы друг друга. А когда он стал таким сильным, что перекрыл бы даже их крик, то и сама мелодичность его стала казаться жуткой. Под конец и воздух в зале, и пол под ногами задрожали крупной дрожью, а часть стены и кусок потолка с грохотом рухнули — не то из-за колдовства, не то поддавшись какой-то особенной ноте. И тут все затихло.

— Ну что, доволен? — съязвила Полли.

— Ладно, все уже кончилось, — отозвался Дигори.

Оба они думали, что все и впрямь кончилось. И оба страшно ошибались.

Глава пятая. НЕДОБРОЕ СЛОВО

Дети смотрели друг на друга поверх приземистой колонны, на которой до сих пор подрагивал замолкший колокол. Вдруг в дальнем, совсем неразрушенном углу комнаты раздался какой-то негромкий звук. Они обернулись на него с быстротой молнии и увидели, что одна из облаченных в пышные одежды фигур, та самая последняя в ряду женщина, которая показалась Дигори такой красавицей, подымается с кресла во весь свой гигантский рост. И по короне, и по облачению, и по сиянию глаз, и по изгибу рта она, несомненно, была могучей королевой. Комнату она осмотрела, и детей увидела, и, конечно, заметила, что кусок стены и потолка обвалился, только на лице ее не показалось и следа удивления.

— Кто пробудил меня? Кто разрушил чары? — она выступила вперед быстрыми, длинными шагами.

— Кажется, это я, — сказал Дигори.

— Ты! — Королева положила на плечо мальчика свою руку — белоснежную, прекрасную руку, которая, однако, была сильной, как клещи. — Ты? Но ты же дитя, обыкновенный мальчишка! В твоих жилах, я сразу увидела, нет ни королевской, ни даже благородной крови. Как ты осмелился проникнуть в этот дом?

— Мы из другого мира сюда попали. Волшебным способом, — Полли решила, что королеве пора заметить и ее.

— Это правда? — спросила королева у Дигори, по-прежнему не обращая никакого внимания

на девочку.

— Правда, — отвечал он.

Свободной рукой королева схватила его за подбородок и задрала лицо мальчика, чтобы к нему присмотреться. Дигори, сколько ни силился, так и не сумел выдержать ее взгляда. Что-то в ней было такое, слишком могучее. Королева отпустила его не раньше, чем через минуту с лишним.

— Ты не волшебник, — сказала она, — на твоём лице нет знака чародеев. Ты, верно, слуга волшебника. Тебя принесло сюда чужое волшебство.

— Мой дядя Эндрью волшебник, — сказал Дигори.

И тут где-то совсем рядом с комнатой зашуршало, закрипело, затрещало, раздался грохот падающих камней, и пол закачался.

— Здесь смертельно опасно, — сказала королева. — Весь дворец скоро рухнет, и мы погибнем под развалинами. — Она говорила так спокойно, словно речь шла о времени суток или о погоде. — Вперед, — добавила она, протягивая руки обоим детям. Полли, между прочим, королева была совсем не по душе, и руки ей она давать не собиралась. Но та, несмотря на все спокойствие, двигалась с быстротой мысли. Не успела Полли опомниться, как ее левую руку уже сжимала другая рука, куда крупнее и сильнее, чем ее собственная.

«Жуткая женщина, — думала Полли, — не ровен час, еще сломает мне руку. С нее станется. И руку-то она сграбастала левую, так что желтого колечка я достать не смогу. Можно правой попробовать дотянуться до левого кармана... нет, не получится, она меня спросит, что это я делаю. Ей ни в коем случае нельзя про колечки говорить. Ой, лишь бы Дигори не выболтал. Хорошо бы ему шепнуть пару слов...»

Из заколдованного зала королева провела их сквозь длинный коридор в целый лабиринт гостиных, лестниц и дворигов. Где-то продолжали рушиться куски стен и потолка, порою грохот раздавался совсем близко, и одна арка упала сразу после того, как они под ней прошли. Королева шла так быстро, что детям приходилось семенить за нею, но она не выказывала никакого страха.

«Отважная какая, — думал Дигори, — и сильная. Настоящая королева. Вот бы она рассказала историю этого места...»

По дороге она и впрямь кое-что им рассказала.

— Вот дверь в подземелье, — говорила она, — а вот проход в главную камеру пыток. Тут был старый пиршественный зал, куда мой прадед пригласил как-то раз семьсот дворян, и перебил их прежде, чем они приступили к ужину. Они были виновны в мятежных мыслях.

Наконец они дошли до самой высокой и просторной залы с дверями в дальнем конце. Дигори подумал, что здесь раньше был главный вход в замок, и он был совершенно прав. Двери были не то черного дерева, не то черного металла, неизвестного в нашем мире, и закрыты на засовы, тяжелые и расположенные слишком высоко. «Как же нам выбраться?» — подумал Дигори.

Тут королева отпустила Дигори, встала в полный рост и замерла с простертой вверх рукой, а потом произнесла какие-то угрожающие непонятные слова и словно бы что-то кинула в двери. Двери дрогнули, словно шелковые занавески, и принялись распадаться, покуда от них не осталась горстка пыли на пороге.

Дигори присвистнул.

— Обладает ли твой повелитель, твой дядя-чародей, моим могуществом? — королева снова крепко сжала руку Дигори. — Я еще узнаю об этом. А ты тем временем помни. Вот что я делаю с теми, кто стоит на моем пути.

Сквозь пустой дверной проем струился довольно яркий для этого мира свет, и когда королева вывела детей из замка, они уже догадались, что окажутся на открытом воздухе. В лицо им дул холодный, но какой-то затхлый ветер. С высокой террасы открывался удивительный вид.

Далеко внизу над горизонтом висело багровое солнце, намного больше нашего. Дигори сразу почувствовал, что оно к тому же куда древнее, чем наше. Это было умирающее солнце, усталое от долгого взгляда на этот мир. Слева от солнца, чуть повыше его, сверкала огромная одинокая звезда. Кроме этой зловещей пары, в темном небе не было больше ничего. А по земле во всех направлениях до самого горизонта простирался обширный город без единой живой души. От всех храмов, башен, дворцов, пирамид и мостов города в свете увядающего солнца лежали длинные мрачные тени. Когда-то протекавшая через город река давно высохла, оставив лишь широкую канаву, заполненную пылью.

— Помните, ибо никому больше не доведется этого увидеть, — сказала королева. — Таким был Чарн, великий град, столица Короля Королей, чудо этого света, а может быть, и всех остальных. Есть ли у твоего дяди столь богатые владения?

— Нет, — Дигори хотел было объяснить, что у дяди Эндрью нет никаких владений, но королева его перебила.

— Ныне здесь царит молчание, но я стояла здесь, когда воздух был полон звуками, что издавал Чарн. Здесь грохотали шаги и скрипели колеса, щелкали бичи и стонали невольники, гремели колесницы и барабанный бой возвещал жертвоприношения в храмах. Я стояла здесь перед гибелью города, когда со всех улиц раздавался боевой клич и кровь струилась рекою... — Она на мгновение замолкла. — И сразу, в единый миг, по слову одной-единственной женщины Чарн погиб!

— Кто же эта женщина? — спросил Дигори слабым голосом, заранее зная ответ.

— Я! — отвечала королева. — Я, Джадис, последняя королева, владычица всего мира!

Дети стояли молча, дрожа от холода.

— Виновна моя сестра, — продолжала королева. — Это она довела меня до такого, и будь она вовеки проклята всеми волшебными силами! Не было минуты, когда я не пошла бы на мир, пощадив ее жизнь, если б она отреклась ради меня от трона. Но она отказалась, и гордыня ее разрушила целый мир. Даже после начала войны мы обе торжественно обещали не призывать на помощь волшебства. Но что мне оставалось, когда она нарушила свою клятву? Безумная! Или не знала она, что у меня во власти было больше волшебства? Или не знала она, что мне доступна тайна Недоброго Слова? Или сомневалась она, что я не устрашусь произнести его?

— Что это за слово такое было? — осведомился Дигори.

— Не спрашивай о тайне тайн, — сказала королева. — Великие властелины нашего народа испокон веков знали, что есть слово, и есть обряд, которые убьют все живое в мире, кроме самого чародея. Но древние короли были слабы и мягкосердечны, да и те, кто всходил на трон вслед за ними, никогда даже не пытались узнать этого слова. Но я узнала его в одном тайном месте, и заплатила за это знание страшной ценой. И я молчала, пока меня не заставили. Я сражалась с ней до конца, всем, что было в моей власти. Кровь рекой лилась из жил моих врагов...

— Что за скотина, — пробормотала Полли.

— Последнее великое сражение шло три дня здесь, в Чарне. И все три дня я созерцала его с этой террасы. Я молчала, покуда не погиб мой последний солдат, покуда эта проклятая женщина, моя сестра, не поднялась со своими разбойниками до середины этой лестницы, ведущей из города к дворцу. Я дождалась, когда мы стали лицом к лицу, когда она, сверкнув своими злобными глазами, не выкрикнула: «Победа!» «Победа, — отвечала я, — только твоя ли?» И уста мои произнесли Недоброе Слово. И спустя мгновение я осталась единственным живым существом под солнцем.

— А как же люди? — выдохнул Дигори.

— Какие такие люди? — не поняла королева.

— Простые люди, — возмутилась Полли, — которые вам никакого зла не сделали. И женщины, и дети, и звери...

— Как же ты не можешь этого постигнуть? — королева по-прежнему обращалась к Дигори. — Ведь я была королевой. И это был мой народ, живший, чтобы исполнять мою волю.

— Не повезло же им, однако, — сказал Дигори.

— Ах, я забыла, что ты и сам мальчик из простонародья. Откуда тебе понять интересы государства. Затверди, отрок, что великой королеве позволено много больше, чем черни. Ибо на наших плечах — тяжесть всего мира. Для нас нет законов, и мы одиноки в своем высоком уделе.

Дигори вдруг припомнил, что дядюшка Эндрью выражался в точности теми же словами. Правда, в устах королевы Джадис они звучали куда внушительней. И то сказать, ведь в дядюшке не было двух с лишним метров росту, да и красотой он не отличался.

— Что же вы сделали потом? — спросил Дигори.

— Всем своим волшебством заколдовала я тот зал, где сидят изображения моих предшественников. Сила этих заклинаний погрузила и меня в сон среди них, чтобы я не нуждалась ни в тепле, ни в пище, покуда, будь то хоть через тысячу лет, не пришел бы кто-то, дабы разбудить меня звоном колокола.

— А солнце у вас такое из-за Недоброго Слова? — спросил Дигори.

— Какое, мальчик?

— Такое большое, багровое и холодное.

— Оно вечно пребывало таким, — сказала королева, многие сотни тысячелетий. Что за солнце сияет в вашем мире, мальчик?

— Оно поменьше и пожелтее. И гораздо жарче.

И тут королева испустила не то вздох, не то рев, и лицо ее исказилось той же жадностью, какую он недавно видел на физиономии дядюшки Эндрю.

— Значит, ваш мир моложе, — она помедлила, чтобы снова бросить взгляд на разрушенный город. Если совесть и мучила королеву, то по ее лицу угадать это было бы решительно невозможно. — Что ж, пошли. Здесь холодно, здесь настанет конец всех веков...

— Куда пошли? — хором спросили дети.

— Куда? — поразились Джадис. — В ваш мир, конечно же.

Дети в ужасе переглянулись. Полли-то королеву невзлюбила с первого взгляда, но даже Дигори, выслушав историю Джадис, не испытывал никакого желания продолжать это знакомство. Она явно была не из тех, кого хочется видеть у себя в гостях. Да дети и не знали, как можно было бы взять ее с собой. Им самим нужно было домой попасть, но Полли не могла дотянуться до своего кольца, а Дигори без нее никуда бы не отправился.

— Н-н-наш мир, — пробормотал мальчик, краснея, — я... я думал, вы туда не хотите...

— Но зачем же вы явились, разве не забрать меня с собою?

— Вам не понравится наш мир, — сказал Дигори, — точно, Полли? Там скучно, и смотреть не на что.

— Скоро там будет на что смотреть, когда я стану его владычицей, — отвечала королева.

— Но вы не сможете, — возразил Дигори, — у нас другие порядки. Никто вас на трон не пустит.

Королева презрительно улыбнулась.

— Немало могучих королей думало, что они могут покорить Чарн,

— сказала она. — Все они пали, и их имена покрыты тьмой забвения. Глупый детеныш! Разве не видишь ты, что с моей красотой и с моими чарами весь ваш мир через год уже будет у моих ног? Приготовься вымолвить свои заклинания и немедленно доставь меня туда.

— Ужас какой-то, — шепнул Дигори девочке.

— Возможно, ты страшишься своего родича, — сказала Джадис. — Но если он выскажет мне должное почтение, я сохраню ему и жизнь, и трон. Я прихожу не для схватки с ним. Должно быть, он великий чародей, если сумел послать вас сюда. Правит ли он всем твоим миром или только частью?

— Он вообще никакой не король, — ответил Дигори.

— Ты лжешь. Чародейство требует королевской крови. Кто слышал о чародеях-простолюдинах? Но сквозь твои слова я различаю истину. Твой дядя — великий властелин и волшебник твоего мира. Призвав свое искусство, он увидел тень моего лица в некоем волшебном зеркале или заколдованном водоеме и, возлюбив мою красоту, произнес могучее заклинание, до основания потрясшее ваш мир, чтобы вы сумели преодолеть пропасть между мирами и испросить моего благосклонного согласия прибыть к нему. Отвечай, так ли это было?

— Н-не совсем, — смутился Дигори.

— Не совсем? — передразнила Полли. — Да все это чушь собачья, от начала до конца!

— Негодяйка! — Королева повернулась к Полли и ухватила ее за волосы на макушке, там, где больнее всего. При этом она поневоле отпустила руки детей. «Давай!» — крикнул Дигори. «Вперед!» — подхватила Полли. И они засунули руки в карманы. Стоило им только коснуться колечек, и весь этот жуткий мир мгновенно исчез. Они понеслись вверх, где нарастало теплое зеленое сияние.

Глава шестая. КАК НАЧАЛИСЬ НЕСЧАСТЬЯ ДЯДИ ЭНДРЮ

— Пустите! Пустите! — кричала Полли.

— Да не трогаю я тебя, — отвечал Дигори.

И головы их вынырнули из пруда в солнечную тишину Леса Между Мирами, которая после того затхлого и разрушенного мира, что они оставили, показалась им еще глубже и теплее. Мне

кажется, что они бы с удовольствием снова забыли, кто они такие и откуда явились, чтобы снова лечь на землю и погрузиться в радостный полусон, прислушиваясь к растущим деревьям. Но им было на этот раз не до сна. Едва выбравшись из пруда на траву, они обнаружили, что отнюдь не одиноки. Королева — или ведьма, выбирайте сами — перенеслась сюда вместе с ними, крепко ухватившись за волосы Полли. Вот почему девочка так отчаянно кричала свое «Пустите!»

Попутно, между прочим, выяснилось одно свойство колечек, о котором дядюшка Эндрю не знал, и потому не сказал о нем Дигори. Чтобы перенестись из одного мира в другой, достаточно было не надевать кольца или касаться его, а просто дотронуться до того, кто к нему притронулся. Колечки в этом смысле действовали вроде магнитов. Кто не знает, что уцепившаяся за магнит булавка притягивает и другие булавки тоже.

В Лесу Между Мирами королева изменилась. Она так побледнела, что от ее красоты осталось совсем мало. И дышала она с трудом, словно здешний воздух душил ее. Дети совсем перестали ее бояться.

— Отпустите! Отпустите мои волосы! — твердила Полли. — Чего вы за них ухватились?

— Ну-ка, — подхватил Дигори, — отпустите-ка ее. Сию секунду!

Пришлось детям заставить королеву силой — вдвоем они оказались сильнее своей противницы. Она отпрянула, задыхаясь, с ужасом в глазах.

— Быстро, Дигори, — сказала Полли, — сними кольца и давай нырять в наш пруд.

— Помогите! Помогите! — закричала ведьма слабым голосом, ковыляя за ними. — Будьте милосердны, возьмите меня с собой, я погибну в этом страшном месте!

— А интересы государства? — съязвила Полли. Помните, как вы прикончили всех жителей своего мира? Торопись, Дигори!

Они уже надели зеленые колечки, когда Дигори вдруг охватил приступ жалости.

— Слушай, что же мы делаем?

— Не будь идиотом, — отвечала Полли. — Зуб даю, что она притворяется. Давай, давай же!

И дети прыгнули в отмеченный заранее пруд. «Здорово, что мы его не потеряли», — подумала Полли. Но во время прыжка Дигори вдруг почувствовал, что кто-то ухватил его холодными пальцами за ухо. Покуда они спускались все глубже, и в воздухе начали появляться смазанные очертания нашего мира, хватка этих пальцев становилась все крепче. К ведьме явно возвращалась ее бывшая сила. Дигори вырывался, брыкался, но все без малейшего толку. Спустя мгновение они уже были в кабинете дядюшки Эндрю, и сам хозяин этого кабинета в изумлении смотрел на невиданное существо, принесенное Дигори из другого мира.

Его можно было понять. Полли и Дигори тоже замерли, пораженные. Ведьма, без сомнения, оправилась от своей слабости, и от ее вида в нашем мире, в окружении обыкновенных вещей, попросту захватывало дух. Она и в Чарне-то вызывала тревогу, а в Лондоне — просто ужас. Во-первых, дети только сейчас поняли, какая она огромная. «Верно, она и не человек вовсе?» — подумал Дигори. Между прочим, он, возможно, был прав. Мне доводилось слышать, что короли Чарна ведут свой род от племени гигантов. Но главное было даже не в росте королевы, а в ее красоте, неистовстве и дикости. Дядя Эндрю то кланялся, то потирал ручки, и, по правде сказать, выглядел насмерть перепуганным. Рядом с ведьмой он казался сущей букашкой. И все же, как говорила потом Полли, был он выражением лица чем-то похож на королеву. Тем самым выражением, той меткой злых чародеев, которой королева не увидела на лице Дигори. Одно хорошо: дети теперь не боялись дядюшки Эндрю, как не испугается гусеницы тот, кто видел гремучую змею, а коровы — видевший разъяренного быка.

Дядя знай потирал ручки да кланялся, пытаясь выдавить что-то очень вежливое из своего пересохшего рта. Его эксперимент с колечками прошел успешнее, чем ему бы хотелось, потому что хоть он и занимался чародейством долгие годы, но опасностям предпочитал подвергать других. Ничего даже отдаленно похожего никогда с ним раньше не случалось.

И тут Джадис заговорила. В ее негромком голосе было нечто, от чего задрожала вся комната.

— Где чародей, что перенес меня в этот мир?

— Э... э... мадам, — пролепетал дядюшка, — чрезвычайно польщен... премного обязан... такая нежданная честь... и если бы я смог подготовиться к вашему визиту, я бы...

— Где чародей, глупец?

— Э... это, собственно, я и есть, мадам... надеюсь, вы простите ту вольность, с которой с вами обращались эти испорченные дети... уверяю вас, что со своей стороны...

— Ты? — Голос королевы стал еще грознее.

Одним скачком она пересекла комнату, схватила старика за седые космы и откинула его голову назад, вглядываясь ему в лицо точно так же, как в лицо Дигори в своем королевском дворце. Дядя только моргал и беспокойно облизывал губы. Она отпустила его так неожиданно, что он стукнулся спиной о стену.

— Вижу, — сказала она с презрением, — какой ты чародей. Стой прямо, пес, не вольничай, словно говоришь с равными! Кто научил тебя колдовать? Готова поклясться, что в тебе нет ни капли королевской крови.

— Ну... в строгом смысле слова, — заикался дядя, не совсем королевской, мадам, но мы, Кеттерли, знаете ли, весьма древний род... из Дорсетшира...

— Умолкни, — сказала ведьма. — Вижу, кто ты такой. Ты мелкий чародей-любитель, колдующий по книгам и чужим правилам. Подлинного чародейства нет в твоей крови и сердце. Такие, как ты, перевелись в моем королевстве уже тысячу лет назад. Но здесь я позволю тебе быть моим рабом.

— Буду исключительно счастлив... рад оказать вам любую услугу... любую, уверяю вас...

— Умолкни! Твой язык неводержан. Выслушай мой первый приказ. Я вижу, что мы прибыли в большой город. Немедленно добудь мне колесницу, или ковер-самолет, или хорошо обьеженного дракона, или то, что по обычаям ваших краев подходит для королей и благородных вельмож. Затем доставь меня в те места, где я смогу взять одежду, драгоценности и рабов, подobaющих мне по моему званию. Завтра я начну завоевание этого мира.

— Я ... я пойду закажу кэб, — выговорил дядя.

— Стой, — приказала ведьма, когда он направился к двери. — Не вздумай предать меня. Глаза мои видят сквозь стены, я умею читать людские мысли. Я повсюду буду следить за тобой, и при первом знаке ослушания наведу на тебя такие чары, что где бы ты ни присел, ты сядешь на раскаленное железо, и где бы ни лег — в ногах у тебя будут невидимые глыбы льда. Теперь ступай.

Старик вышел, напоминая собаку с поджатым хвостом.

Теперь дети боялись, что Джадис отомстит им за случившееся в лесу. Но она, похоже, совсем забыла об этом. Лично я полагаю, — и Дигори со мной согласен, — что в ее голову просто не могло уместиться такое мирное место, сколько бы раз она там ни бывала. Оставшись наедине с детьми, королева не обращала на них ни малейшего внимания. Неудивительно! В Чарне она до самого конца не замечала Полли, потому что пользы ждала только от Дигори. А теперь, когда у нее имелся дядюшка Эндрью, ей и Дигори был не нужен. Я думаю, все ведьмы такие. Им интересно только то, что может пригодиться; это ужасно практичный народ. Так что в комнате одну-две минуты царило молчание, только Джадис нетерпеливо постукивала об пол ногой.

— Куда же пропал этот скудоумный старик? Надо было взять с собой хлыст! — И она кинулась из комнаты на поиски дядюшки, так и не бросив ни единого взгляда на детей.

— Ух! — Полли вздохнула с облегчением. — Мне домой пора. Страшно поздно, еще от родителей влетит.

— Ладно, только, пожалуйста, возвращайся поскорее, — сказал Дигори. — Ну и гадина! Слушай, надо что-то придумать.

— Пускай твой дядюшка думает, — ответила Полли. — Не мы же с тобой затевали все эти чародейские штучки.

— Но ты все-таки возвращайся, а? Ты же видишь, что происходит...

— Я отправлюсь домой через наш проход, — сказала Полли с холодком, — так быстрее. А если ты хочешь, чтобы я вернулась, то не мешало бы извиниться.

— За что? — воскликнул Дигори. — Ох уж эти девчонки! Да что я такого сделал?

— Ничего особенного, разумеется, — ехидно сказала Полли. — Только руку мне чуть не оторвал в этом зале с восковыми фигурами. И в колокол ударил, как последний идиот. И в лесу замешкался, чтобы эта ведьма успела тебя ухватить перед тем, как мы прыгнули в пруд. Вот и все.

— Хм, — удивился Дигори, — ладно, прошу прощения. В зале с фигурами я правда вел себя по-дурацки. А ты уж не вредничай, возвращайся. Не то мои дела плохи будут.

— Да что с тобой может случиться? Это ведь не тебе, а дядюшке твоему сидеть на раскаленном железе и спать на льду, так?

— Это здесь ни при чем, — сказал Дигори. — Я насчет мамы своей беспокоюсь. Если эта

ведьма к ней зайдет в комнату, она ее до смерти перепугает.

— Ладно, — голос Полли переменялся. — Хорошо. Перемирие. Я вернусь, если смогу. А покуда мне пора. — И она протиснулась сквозь дверцу туннеля. Это темное место среди балок, которое казалось ей таким заманчивым всего несколько часов назад, теперь выглядело будничным и неприглядным.

А теперь вернемся к дядюшке Эндрию. Когда он спускался с чердака, сердце у него колотилось, как бешеное, а с морщинистого лба катились крупные капли пота, которые он утирал платком. Войдя в свою спальню, расположенную этажом ниже, он закрыл дверь на ключ и первым делом полез в комод, где прятал от тетушки Летти бутылку и бокал. Налив себе полный бокал какого-то противного взрослого зелья, он выпил его одним махом, а затем глубоко вздохнул.

«Честное слово, — сказал он самому себе, — я жутко взволнован. Страшно расстроен. И это в моем-то возрасте!»

Налив второй бокал, он осушил и его, а потом принялся переодеваться. Вы такой одежды никогда не видели, а я их еще помню. Дядя надел высокий-высокий блестящий белый воротничок, жесткий, из тех, что заставляют вас все время держать подбородок кверху. Следующим на очереди был вышитый белый жилет, на который дядя выпустил золотую змейку цепочки от часов. Затем он облачился в свой наилучший фрак, который приберегал для свадеб и похорон. После этого он вынул и почистил свой парадный цилиндр, а в петлицу фрака вставил цветок из букета, который тетя Летти поставила в вазу на его комод. Достав из маленького ящика комода белоснежный носовой платок, из тех, каких теперь уже не купить, он покапал на него одеколоном. Напоследок дядюшка Эндрию вставил в глаз монокль на толстом черном шнурке и взглянул на себя в зеркало.

Дети, как вы хорошо знаете, делают глупости по-своему, а взрослые по-своему. Дядя Эндрию в тот момент как раз был готов на всякие взрослые глупости. Теперь, когда ведьмы рядом не было, он позабыл о том, как она его перепугала, и думал только о ее небывалой красоте. «Да, скажу я вам, поразительная женщина, — твердил он про себя, — дивная женщина! Чудное создание!» Он как-то ухитрился позабыть и то, что привели это «чудное создание» дети — ему казалось, что сделал это он сам, своими заклинаниями.

«Эндрию, мой мальчик, — сказал он про себя, вглядываясь в зеркало, — для своих лет ты чертовски хорошо сохранился! Ты господин весьма достойной внешности!»

Видите ли, старый дурень искренне начинал верить в то, что ведьма может в него влюбиться. То ли два бокала были виноваты в таких мыслях, то ли его лучшее платье, а может, и его павлинье тщеславие, из-за которого, собственно, он и стал чародеем.

Он отпер дверь, спустился, послал служанку за кэбом (тогда у всех были слуги) и заглянул в гостиную, где, как и следовало ожидать, увидал тетушку Летти. Стоя у окошка на коленях, она чинила старый матрас.

— Летиция, дорогуша, начал он, видишь ли, мне, как бы выразиться, надо выйти. Одолжи-ка мне фунтов пять... будь умницей...

— Нет, Энди, — сказала тетя Летти твердым голосом, не отрываясь от своей работы — я сто раз говорила тебе, что денег взаймы ты от меня никогда не получишь.

— Прошу тебя, не дури, дорогуша, — настаивал дядюшка, — это чрезвычайно важное дело. Я могу из-за тебя оказаться в исключительно, крайне неудобном положении.

Эндрию, — тетя поглядела ему прямо в глаза, — как тебе не стыдно просить денег у меня?

За этими словами скрывалась длинная и скучная взрослая история. Вам о ней достаточно знать только то, что дядюшка Эндрию некогда «пекся о делах дражайшей Летти», при этом сам не работал, платил из ее денег за свои сигареты и коньяк, так что в конце концов тетя Летти теперь была куда беднее, чем тридцать лет назад.

— Дорогуша, — упрямылся дядя, — ты не понимаешь. У меня сегодня будут непредвиденные расходы. Мне надо кое-кого немножко поразвлечь. Пожалуйста, не утомляй меня.

— Но кого, кого же, скажи на милость, ты собираешься развлекать? — спросила тетя Летти.

— Одного очень важного гостя... он только что прибыл...

— Важный гость! — передразнила тетя Летти. — К нам и в дверь-то никто не звонил за последний час.

Тут дверь внезапно распахнулась. Обернувшись, изумленная тетя Летти увидела в дверях огромную, роскошно одетую женщину с горящими глазами и обнаженными руками. Это была ведьма.

Глава седьмая. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПЕРЕД ДОМОМ

— Сколько еще мне ждать колесницы, раб? — прогремела ведьма. Дядя Эндрью чуть не лишился чувств от страха. В присутствии живой королевы из него мигом испарились все шаловливые мысли, которым он предавался перед зеркалом. Зато тетушка Летти сразу поднялась с колен и вышла на середину комнаты.

— Позволь осведомиться, Эндрью, кто эта молодая особа? — спросила она ледяным голосом.

— Знат-тная иност-транка... весьма важная гость-тъя, — заикался он.

— Чушь! — отрубила тетя Летти и обернулась к ведьме. — Немедленно убирайся из этого дома, бесстыжая тварь, или я вызову полицию! — Она приняла ведьму за цирковую актрису. Особенно ее возмутили, между прочим, короткие рукава гостьи.

— Кто эта несчастная? — спросила королева. — На колени, ничтожество, или я сотру тебя в порошок!

— Потрудитесь в этом доме, девушка, обходиться без неприличных выражений, — сказала тетя Летти.

В ту же секунду, как показалось дяде Эндрью, королева стала еще выше ростом. Глаза ее за-сверкали. Она выбросила руку вперед тем же движением и с теми же словами, что недавно превратили в пыль ворота королевского дворца в Чарне. Но ничего не случилось. Только тетушка Летти, приняв ужасное заклинание за обыкновенные английские слова, сказала:

— Так и есть. Эта женщина пьяна. Да, пьяна! Даже говорить толком не может!

Должно быть, колдунья здорово перепугалась в тот миг, когда поняла, что в нашем мире ей не удастся превращать людей в пыль с такой же легкостью, как в своем. Но самообладания она не потеряла ни на секунду, и, не теряя времени, кинулась вперед, схватила тетю Летти, подняла ее над головой, словно тряпичную куклу, и бросила через комнату. Тетя еще не успела приземлиться, как в комнату заглянула служанка, (которой выпало на редкость интересное утро), чтобы сообщить, что приехал кэб.

— Веди меня, раб, — сказала ведьма.

Дядюшка Эндрью залепетал что-то насчет «прискорбного насилия», с которым он «не может примириться», но потерял дар речи от одного-единственного гневного взгляда королевы.

Она вытащила его из комнаты, а затем и из дома, так что сбежавший по лестнице Дигори успел увидеть захлопывающуюся переднюю дверь.

— Ой! — выдохнул он. — Теперь она по Лондону бежит. Вместе с дядей. Что они натворят?

— Ах, господин Дигори, — сказала в свою очередь служанка, которая от души наслаждалась происходящим, — по-моему, мисс Кеттерли ушиблась.

И оба они побежали в гостиную выяснить, что случилось с тетей.

Упади тетушка Летти на голый пол или даже на ковер, она бы, верно, переломала себе все кости, но упала она, по счастливой случайности, на матрас. Нервы у нее были крепкие, как у многих тетушек в те добрые старые времена, так что, понюхав нашатыря и посидев пару минут, она заявила, что с ней не произошло ровным счетом ничего страшного, разве что несколько синяков. Вскоре она уже начала действовать.

— Сарра, сказала она служанке (которая, заметим, не выглядела счастливой), — немедленно отправляйся в полицейский участок и сообщи, что в городе находится буйная сумасшедшая. Завтрак моей сестре я отнесу сама. (Ее сестра, как вы поняли, была мама Дигори).

Когда она управилась с этим делом, они с Дигори позавтракали тоже. После этого мальчик принялся за размышления.

Требовалось как можно скорее отправить ведьму обратно в ее мир, или уж, по крайней мере, выгнать из нашего. Никак нельзя ей позволить бесчинствовать в доме, а то ее могла увидеть мама. И более того, нельзя было позволить ей бесчинствовать в Лондоне. Дигори не был в гостинной, когда ведьма пыталась «стереть в порошок» тетушку Летти, зато он видел, как она превратила в прах ворота дворца в Чарне. Так что о ее волшебных силах он знал, не знал только, что она их в нашем мире потеряла. А ведь она ясно говорила, что хочет завоевать наш мир. Вдруг она сейчас превращает в прах Букингемский дворец или Парламент? А полицейских сколько она уже успела в пыль превратить? С этим он, конечно, ничего поделать не мог. Ну, а с другой стороны, ведь действова-

ли же кольца на манер магнитов. «Если бы мне только удалось до нее дотронуться, — думал Дигори, — а потом надеть мое желтое колечко, мы бы снова оказались с нею вместе в Лесу Между Мирами, а там, наверное, она снова ослабеет. Может, конечно, и нет, может, это просто потрясение на нее так тогда подействовало... Придется рискнуть в любом случае. Только как мне найти эту скотину? Тетя меня на улицу не пустит, если не сказать ей, куда я отправлюсь. И денег у меня всего два пенса. Ни на омнибус не хватит, ни на конку, а ведь надо будет пол-Лондона объехать. И где ее вообще начинать искать? И дядюшка

— с ней он до сих пор или нет?»

Выходило, что ему ничего не оставалось, кроме как сидеть дома, надеясь, что дядюшка Эндрью вместе с ведьмой вернутся обратно. В таком случае Дигори должен был подбежать к королеве, дотронуться до нее и надеть желтое колечко еще до того, как та вошла бы в дом. Значит, ему следовало следить за парадной дверью, как кошке за мышьиной норкой, ни на секунду не сходя с места. Дигори отправился в столовую и, что называется, прилип к оконному стеклу. Окно было старомодное, фонарное, из него хорошо были видны и ступеньки крыльца, и улица. Никто не проскользнул бы мимо него к парадной двери незамеченным. «Что-то сейчас Полли делает?» — думал Дигори.

Этим размышлениям он посвятил чуть не половину первого, самого медленного получаса ожидания. Но вам над судьбой Полли ломать голову не стоит, потому что я немедленно готов все о ней рассказать. Она опоздала к обеду, и кроме того явилась домой с мокрыми чулками и башмаками. А когда ее спросили, где она шаталась и чем занималась, она ответила, что гуляла с Дигори Керком, ноги же промочила в пруду, что пруд этот в лесу, а где лес — она не знает. «Может он был в парке?» — спросили ее. Она вполне честно ответила, что при желании это место можно назвать и парком. Так что мама Полли решила, что девочка убежала, никого не спросив, в какую-то неизвестную часть Лондона, забрела в незнакомый парк, где и прыгала по лужам. В конце концов ее отчитали, пригрозив запретить играть «с этим мальчишкой Керком», если подобное повторится. За обедом ей не дали сладкого, а после обеда отправили на два часа в постель. Такие штуки в те годы случались с детьми сплошь и рядом.

Таким-то вот образом, покуда Дигори наблюдал из окна гостиной за крыльцом и улицей, Полли лежала в постели, и оба они думали о том, как страшно медленно тянется время. Лично я, наверное, предпочел бы быть на месте Полли. Ей-то было нужно всего-навсего дожидаться, пока истекут положенные два часа наказания. А Дигори чуть не каждую минуту, услышав то стук колес тележки булочника, то случайную карету, то шаги мальчишки из мясной лавки, вздрагивал: «Ну, вот она!» А между этими ложными тревогами только безумно медленно тикали часы, да огромная муха билась о верхний край окна. Дом этот был из тех, где после полудня стоит мертвая тишина, скука и запах вареной баранины.

Покуда Дигори томился своим ожиданием, случилось одно мелкое происшествие, о котором я расскажу из-за его важных последствий в дальнейшем. Знакомая дама принесла винограду для мамы Дигори, и сквозь приоткрытую дверь гостиной Дигори услышал обрывок разговора гостьи с тетюшкой Летти.

«Какой чудный виноград! — говорила тетя. — Если и могло бы что-нибудь ей помочь, то эти ягоды — лучше всего. Ах, бедненькая моя Мейбл! Разве что плоды из краев вечной юности могли бы ее спасти, а в этом мире ей уже ничего... — Тут обе они понизили голос, и Дигори больше ничего не сумел услышать.

Край вечной юности! Еще вчера Дигори, услышав такое, подумал бы, что тетя Летти несет обычную взрослую чепуху, ничего не имея особенного в виду. Он и сейчас чуть было так не подумал, но вдруг сообразил, что ведь он-то достоверно знает — в отличие от тетюшки Летти, — что другие миры есть, он даже был в одном из них! А если так, то и край вечной юности мог где-то существовать! Все, что хочешь, могло существовать. В каком-то из других миров Дигори мог бы найти плоды, которые и впрямь вылечили бы маму. И... и... ну, вы сами знаете, как возникает безумная надежда на что-то очень хорошее, и как вы чуть ли не боретесь с ней, чтобы в очередной раз не расстроиться. Именно так и чувствовал себя Дигори. Только побороть свою надежду ему не удавалось — а вдруг, продолжал думать он, а вдруг это правда. С ним уже успело случиться столько удивительного. И кольца волшебные у него были. Должно быть, каждый пруд в лесу вел в свой собственный мир. Дигори мог попробовать попасть в каждый из них, и потом — мама бы выздоровела. Все бы стало по-старому. Он совершенно забыл о том, что караулит ведьму, и рука

его сама собой потянулась в карман с желтым кольцом, когда вдруг раздался цокот копыт.

«Это еще что? — подумал он. — Пожарники? Интересно, где горит. Ой, все ближе... ого, да это Она!»

Вам можно не объяснять, кого он имел в виду.

Сначала Дигори увидел кэб. Козлы кучера пустовали, зато на крыше коляски стояла — именно стояла, а не сидела — Джадис, королева королев и Страх Чарна. Она великолепно держала равновесие, покуда коляска на полной скорости вынеслась из-за угла, сильно покосившись набок. Королева сверкала белыми зубами, из глаз ее, казалось, вылетало пламя, а длинные волосы развевались сзади вроде хвоста кометы. Она безжалостно хлестала лошадь кнутом, и бедное животное, раздувая ноздри и стряхивая с боков пену, во весь опор подлетело к передней двери, чуть не своротив фонарный столб, и встало на дыбы. Карете повезло меньше: она задела столб и развалилась на куски. Ничуть не растерявшись, королева вовремя прыгнула с крыши и перескочила на спину лошади. Едва устроившись в седле, она склонилась к уху лошади, нашептывая ей слова, от которых та не успокоилась, а напротив, вновь встала на дыбы и испустила ржание, похожее на крик боли. Казалось, лошадь превратилась в комок копыт, зубов и развевающейся гривы — но и тут королева удержалась, как самый замечательный наездник.

Не успел Дигори и охнуть, как из-за угла выскочил второй кэб, из которого выпрыгнул толстый господин во фраке и полицейский. За вторым последовал третий, где полицейскими были оба седока, за ним же — человек двадцать на велосипедах, в основном мальчишки-разносчики. Все они вовсю звонили и орали. Завершила процессию толпа пеших, раскрасневшихся от бега, но явно получавших удовольствие от всех этих событий. В домах стали захлопываться окна, и на каждом крыльце появлялись либо служанка, либо дворецкий. Им тоже хотелось поразвлекаться.

Тем временем из развалин первой кареты принялся кое-как выкарабкиваться пожилой господин. На помощь ему бросился добрый десяток доброжелателей; правда, без их услуг он, пожалуй, справился бы лучше, потому что все они тянули его в разные стороны. Дигори решил, что это дядюшка Эндрю, но лица его увидеть не смог, потому что на него была с силой нахлобучена черная шляпа.

Дигори выбежал на улицу и присоединился к толпе.

— Вот она! Вот она! — кричал толстяк, тыча пальцем в королеву Джадис. — Арестуйте ее, констебль! Сколько она всего забрала в моем магазине, на сотни фунтов, на тысячи... жемчуг у нее на шее

— это мое ожерелье... и синяк она мне поставила!

— И точно, начальник! — обрадовался кто-то из толпы. — Классный синячище! Не слабая бабенка!

— Приложите к нему сырого мяса, хозяин, — посоветовал мальчишка из мясной лавки.

— Ничего не пойму, — сказал старший по званию полицейский. — Что тут творится?

— Да говорю же я, она... — начал толстый господин, но тут его перебил голос из толпы:

— Эй! Не пускайте этого старого хрыча из кэба! Это он ее туда посадил!

Престарелый джентльмен, который несомненно был-таки дядюшкой Эндрю, только с трудом встал и теперь растирал свои синяки. «Ну, — обратился к нему полицейский, — так что же здесь происходит?»

— Умпф, пумф, шумпф, — раздался голос из-под шляпы.

— Бросьте шутить, — сказал полицейский сурово. — Вам скоро будет не до смеха. Ну-ка, снимите это немедленно.

Легко сказать! Дядя Эндрю возился со своим цилиндром без всякого успеха, покуда его не сдернули за поля двое полицейских.

— Благодарю вас, благодарю, — слабым голосом произнес дядюшка. — Благодарю вас. О, Господи, я потрясен. Если бы кто-нибудь принес мне крошечную рюмочку коньяку...

Минутку, сэр, — полицейский извлек откуда-то очень большой блокнот и совсем крошечный карандаш. — Кто отвечает за эту молодую особу? Вы?

— Берегись! — закричало сразу несколько голосов, и полицейский еле успел отскочить от рванувшейся прямо на него лошади. Тут ведьма развернула ее мордой к толпе, поставив задними ногами на тротуар, и принялась длинным сверкающим ножом разрезать построжки на шее животного, чтобы освободить его от обломков кареты. А Дигори все думал, как бы ему подобраться поближе к королеве и при случае дотронуться до нее. Задача была не из легких. С той стороны, где

стоял мальчик, толпилось слишком много народу, а путь на другую сторону лежал через узкое пространство между заборчиком вокруг дома Кеттерли и конскими копытами. Если вы знаете лошадей, и если б вы видели, в каком состоянии находился этот несчастный конь, вы бы поняли весь страх Дигори. И все-таки, хоть он и знал лошадей, но решительно сжал зубы и выжидал момент для броска.

Сквозь толпу пробился краснолицый детина в шляпе-котелке.

— Знаешь, хозяин, — обратился он к полицейскому, — а ведь это моя лошадка, на которой она расселась, и карета моя, ты посмотри только, от нее одни щепки остались!

— По одному, пожалуйста, по одному, — отвечал полицейский.

— Куда там! — сказал извозчик. — Уж я-то свою лошадку знаю. У нее папаша в кавалерии служил. Ежели эта дамочка будет и дальше ее раззадоривать, она тут кому-нибудь все кости переломает. Пустите-ка, я разберусь.

Полицейский, нужно сказать, с облегчением пропустил его к лошади, и кэбмен не без сочувствия заговорил с ведьмой:

— Вот чего, барышня, дайте мне к ейной морде подойти, а сами слезайте. Вы барышня из благородных, ступайте домой, чайку испейте, отдохните в постельке, вот оно и лучше станет.

Он протянул руку к лошадиной морде, приговаривая: «Постой, Земляничка, не бузи... Тише, тише...» «И тут впервые за все время заговорила ведьма.

— Пес! — Ее высокий холодный голос легко заглушил шум толпы.

— Пес, руки прочь от королевского скакуна! Перед тобой Императрица Джадис!

Глава восьмая. БИТВА У ФОНАРНОГО СТОЛБА

— Ого! — раздался голос из толпы. — Да неужто сама императрица? Ну и потеха!

— Ура императрице заднего двора! Ура!

Зардевшись, ведьма слегка наклонила голову — но тут крики превратились в хохот, она поняла, что над ней потешаются, и, изменившись в лице, переложила сверкающий нож из правой руки в левую. Дальше случилось что-то совсем жуткое. Легко и просто, будто в этом не было решительно ничего особенного, она протянула правую руку к столбу и отломала от него один из железных брусков. Да, волшебную силу она могла и утратить, но обыкновенная оставалась при ней, и железо она ломала, словно это была спичка.

Королева подкинула свое новое оружие в воздух, снова поймала, повертела в руке, как жезл, и направила лошадь вперед.

«Сейчас или никогда», — подумал Дигори. Пробежав между лошадью и заборчиком, он принялся медленно продвигаться вперед. Стоило коню на мгновение остановиться — и Дигори успел бы дотронуться до пятки ведьмы. Во время своего рывка он услышал ужасающий звон и грохот. Ведьма опустила железный брусок на шлем полицейскому, и тот упал, как кегля.

— Быстрее, Дигори. Это невозможно! — сказал кто-то за его спиной. Это была Полли, убежавшая из дому сразу же после того, как ее выпустили из кровати.

— Молодчина, — шепнул Дигори. — Держись за меня покрепче. Тебе придется управляться с кольцом. Желтое, запомни. И не надевай его, пока я не крикну.

Раздался еще один звук удара, и свалился второй полицейский. Тут начала приходить в бешенство толпа. «Стащить ее! Булыжником по кумполу! Солдат, солдат вызвать!» И в то же время народ расступался все дальше. Только извозчик — явно самый храбрый и самый добросердечный из собравшихся — держался близко к лошади, и, увертываясь от железного бруска, пытался погладить свою Земляничку.

Толпа продолжала гудеть и бесноваться. Над головой у Дигори пролетел первый камень. Тут королева заговорила.

— Чернь! — Голос ее, похожий на звон огромного колокола, звучал почти радостно. — О, как дорого вы заплатите за это, когда я стану владычицей мира! Я не оставлю от вашего города камня на камне как случилось с Чарном, с Фелиндой, с Сорлойсом, с Брамандином!

И тут Дигори наконец поймал ее за ногу. Королева съездила ему каблуком прямо в зубы, разбила губу и раскровавила весь рот, так что мальчику пришлось отпустить ее. Где-то совсем рядом дядюшка Эндрью лепетал что-то вроде «Мадам... прелестница... нельзя же так... соберитесь с духом...» «Дигори снова схватил ее за ногу, и снова его стряхнули. Железный брусок продолжал

косить одного человека за другим. Дигори схватился в третий раз... сжал каблук мертвой хваткой... и выкрикнул:

— Полли! Давай!

Гневные и перепуганные лица миготнули и исчезли. Гневные, перепуганные голоса затихли. Только где-то в полутьме за спиной Дигори продолжал ныть дядюшка Эндрью. «Что это, белая горячка? Конец всему? Это невыносимо! Нечестно! Я никогда не хотел быть чародеем! Это недо-разумение! Это моя крестная... должен протестовать... состояние здоровья... почтенный дорсет-ширский род... „Тьфу! — подумал Дигори. — Только его здесь не хватало. Ну и прогулочка! Ты тут, Полли?“ — добавил он вслух.

— Тут я. Не толкайся, пожалуйста.

— Я и не думал, — но не успел Дигори договорить, как их головы уже вынырнули в теплую солнечную зелень Леса Между Мирами.

— Смотри! — крикнула выходящая из воды Полли. — И лошадь тут, и мистер Кеттерли! И извозчик! Ну и компания!

Стоило ведьме увидеть лес, как она побледнела и склонилась к самой гриве лошади. Было видно, как она смертельно ослабела. Дядюшка Эндрью дрожал мелкой дрожью. Зато Земляничка радостно встряхнулась, испустила веселое ржание и успокоилась — впервые тех пор, как Дигори ее увидел. Прижатые уши выпрямились, жуткий огонь в глазах, наконец, погас.

— Вот и хорошо, лошадушка, — извозчик похлопал Земляничку по шее. — Молодчина. Так держать.

Тут лошадь сделала самую естественную вещь. Ей очень хотелось пить (и неудивительно), так что она добрела до ближайшего пруда и зашла в воду. Дигори все еще держал ведьму за пятку, а Полли сжимала руку Дигори. Кэбмен, в свою очередь, гладил Земляничку; что же до дядюшки, то он, продолжая дрожать, вцепился доброму извозчику в рукав.

— Быстро! — Полли взглянула на Дигори. — Зеленые!

Так и не пришлось Земляничке напиться. Вместо этого вся компания начала проваливаться во мглу. Лошадь заржала, дядюшка Эндрью взвизгнул. «Везет же нам», — сказал Дигори.

После нескольких минут молчания Полли удивленно спросила:

— Разве мы не должны уже где-то очутиться?

— Мы, по-моему, уже где-то очутились, — сказал Дигори. — Я, по крайней мере, стою на чем-то твердом.

— Хм, да и я, кажется, тоже, — отвечала Полли, — только почему же такая темень? Слушай, может, мы не в тот пруд забрались?

— Наверное, мы в Чарне, — предположил Дигори, — только здесь ночь.

— Это не Чарн, — раздался голос ведьмы, — это пустой мир, где царит Ничто.

И действительно, окружающее весьма напоминало именно Ничто. Звезд не было. Темнота царила такая, что нельзя было увидеть друг друга, и все равно, открыты глаза, или закрыты. Под ногами дышало холодом нечто плоское — может быть, земля, но уж точно не трава и не дерево. В сухом прохладном воздухе не было ни малейшего ветерка.

— Судьба моя настигла меня, — сказала ведьма пугающе спокойным голосом.

— О, не надо так, моя дорогая, — залепетал дядюшка Эндрью. — Моя милая юная госпожа, умоляю вас воздержаться от подобных суждений! Неужели все на самом деле так плохо? Не верю! И... извозчик, любезный... нет ли у тебя случаев бутылочки, а? Капля спиртного — это именно то, что мне сейчас чертовски необходимо!

— Ну-ну, — раздался добрый, уверенный и спокойный голос извозчика. — Не падайте духом, ребята! Кости у всех целы? Отлично! За одно это стоит спасибо сказать — вон мы с какой высоты свалились. Скажем, мы в какой-то котлован свалились, может, на новую станцию метро, так ведь придут же, в конце концов, и вызволят нас всех, точно? Ну, а ежели мы уже отдали концы — что очень даже могло случиться — что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать. И чего, спрашивается, бояться, если за плечами честная жизнь, а? А покуда давайте-ка время скоротаем и споем песнопение. Хорошо?

И он тут же затянул церковное песнопение, благодарственный гимн в честь сбора урожая, который «весь лежал в амбарах». Гимн вряд ли подходил к месту, где никогда не выросло ни одного колоса, но извозчик помнил его лучше всех остальных. Голос у него был сильный и приятный. Подпевая, дети приободрились. Дядюшка и ведьма подпевать не стали.

На последнем куплете гимна Дигори почувствовал, как кто-то хватается его за локоть. По запаху коньяка, сигар и дорогого белья он понял, что это дядюшка Эндрью, пытающийся тайком отвести его в сторону. Когда они отошли на пару шагов от остальных, дядя склонился так близко к уху Дигори, что тому стало щекотно, и прошептал:

— Ну же, мальчик! Надевай свое кольцо! Давай отправляться.

Дядя недооценил хороший слух королевы.

— Глупец! — воскликнула она, спрыгивая с лошади. — Ты позабыл, что я умею читать людские мысли? Отпусти мальчишку. Если ты вздумаешь предать меня, то месть моя будет самой страшной со времен сотворения всех миров!

— Кроме того, — добавил Дигори, — ты очень даже зря принимаешь меня за такую жуткую свинью, которая могла бы оставить в таком месте Полли, извозчика и Земляничку.

— Ты весьма, весьма избалованный и неблаговоспитанный мальчик, — сказал дядя Эндрью.

— Тише! — сказал извозчик. И все они стали прислушиваться.

Что-то наконец начало происходить в темноте. Чей-то голос начал петь, так далеко, что Дигори даже не мог разобрать, откуда он доносится. Порою казалось, что он струится со всех сторон. Норою Дигори мерещилось, что голос исходит из земли у них под ногами. Самые низкие ноты этого голоса были так глубоки, что их могла бы вызвать сама земля. Слов не было. Даже мелодии почти не было. Но Дигори никогда не слышал таких несравненных звуков. Они пришлись по душе и лошади: Земляничка так радостно заржала, словно после долгих лет в упряжи кэба она вернулась на старый луг, где играла еще жеребенком, и словно кто-то, кого она помнила и любила, шел к ней через луг с куском сахара в руке.

— Господи! — воскликнул извозчик. — Ну и красота!

— И тут в один миг случилось сразу два чуда. Во-первых, к поющему голосу присоединилось несчетное множество других голосов. Они пели в тон ему, только гораздо выше, в прохладных, звонких, серебристых тонах. Во-вторых, черная тьма над головой вдруг мгновенно осветилась мириадами звезд. Вы знаете, как звезды одна за другой мягко проступают в летний вечер; но здесь было не так, здесь в глухой тьме сразу засияли многие тысячи светлых точек — звезды, созвездия, планеты, и все они были ярче и крупнее, чем в нашем мире. Облаков не было. Новые звезды и новые голоса возникли в точности в одно и то же мгновение. И если бы вы были свидетелем этого чуда, как Дигори, то и вы бы подумали, что поют сами звезды и что Первый Голос, густой и глубокий, вызвал их к жизни и пению.

— Чудо-то какое дивное, — сказал извозчик, — знал бы я раньше, что такое бывает, другим бы был человеком.

Голос на земле звучал все громче, все торжественней, но небесные голоса уже кончили подпевать ему и затихли. И чудеса продолжились.

Далеко-далеко, у самого горизонта, небо стало сереть. Подул легкий, очень свежий ветерок. Небо над горизонтом становилось бледнее и бледнее, так что вскоре на его фоне начали проступать очертания гор. Голос все продолжал свое пение.

Вскоре стало так светло, что можно было различить лица друг друга. Извозчик и двое детей стояли, раскрыв рты, с сияющими глазами, впитывая в себя каждый звук и будто пытаясь что-то вспомнить. Разинул рот и дядюшка Эндрью, но не от радости. Выглядел он так, словно у него отвалилась челюсть. Колени у дядюшки дрожали, голову он спрятал в плечи. Голос очень не нравился старому чародею, и он охотно уполз бы от него куда угодно, хоть и в крысиную нору. А вот ведьма, казалось, понимала Голос лучше всех остальных, только по-своему. Стояла она, крепко стиснув зубы и сжав кулаки, словно с самого начала чувствовала, что весь этот мир исполняется волшебства, которое сильнее ее собственных чар, и совсем на них непохоже. Бешенство переполняло колдунью. Она бы с радостью разнесла на куски и этот мир, и все остальные, лишь бы только остановить пение. А у лошади подрагивали уши. Она то и дело весело ржала и била копытом по земле, словно была не заезженной лошадью извозчика, а достойной дочерью своего отца из кавалерии.

Небо на востоке стало из белого розовым, а потом золотым. Голос звучал все громче и громче, сотрясая воздух, и когда он достиг небывалой мощи, поднялось солнце.

Никогда в жизни не видал Дигори такого солнца. Над развалинами Чарна солнце казалось старше нашего, а это солнце выглядело моложе. Поднимаясь, оно словно смеялось от радости. В свете его лучей, пересекающих равнину, наши путешественники впервые увидели мир, в котором

очутились. Они стояли на краю долины, посреди которой текла на восток, к солнцу, широкая стремительная река. На юге высились горы, на севере — холмы. В этой долине ничего не росло, и среди земли, воды и камней не было видно ни дерева, ни кустика, ни былинки, хотя разноцветные краски земли, живые и жаркие, веселили сердце. Но тут появился сам Певец — и пришельцы позабыли обо всем остальном.

Это был лев. Огромный, лохматый, золотисто-желтый лев стоял лицом к восходящему солнцу, метров за триста от них, широко раскрыл свою пасть в песне.

— Какой ужасный мир! — сказала ведьма. — Бежим немедленно! Где твое волшебство, раб?

— Совершенно согласен с вами, мадам, — отозвался дядя, — в высшей степени неприятное место. Абсолютно нецивилизованное. Будь я помоложе, и имейся бы у меня ружье...

— Это зачем? — удивился извозчик. — Вы же не думаете, что можно стрелять в него?

— Никто не подумает, — сказала Полли.

— Где твои чары, старый глупец? воскликнула Джадис.

— Сию минуту, мадам, — дядя явно хитрил. — Оба ребенка должны меня коснуться. Дигори, немедленно надень зеленое кольцо. — Он все еще надеялся сбежать без ведьмы.

— Ах, так это кольца! — воскликнула Джадис и кинулась к Дигори. Она запустила бы к нему руки в карманы быстрее, чем вы успели бы произнести слово «нож», но Дигори схватил Полли и закричал:

— Осторожно! Если кто-то из вас двоих ко мне шагнет, мы оба вмиг исчезнем, а вы тут застрянете навсегда. Точно, у меня в кармане кольцо, которое доставит нас с Полли домой. Видите, я готов коснуться кольца, так что держитесь в сторонке. Мне очень жалко и извозчика, и лошадку, но что поделать. А вам, господа чародеи, должно быть, будет совсем неплохо в компании друг друга.

— Ну-ка потише, ребята, — сказал извозчик. Я хочу послушать музыку.

Ибо песня успела перемениться.

Глава девятая. КАК БЫЛА ОСНОВАНА НАРНИЯ

Расхаживая взад и вперед по этой пустынной земле, лев пел свою новую песню, мягче и нежнее той, что вызвала к жизни звезды и солнце. Лев ходил и пел эту журчащую песню, и вся долина на глазах покрылась травой, растекавшейся, словно ручей, из-под лап зверя. Волной взбежав на ближние холмы, она вскоре уже заливала подножия дальних гор, и новорожденный мир с каждым мигом становился приветливей. Трава шелестела под ветерком, на холмах стали появляться пятна вереска, а в долине какие-то темно-зеленые лужайки. Что на них росло, Дигори разглядел только когда один из ростков пробился у самых его ног. Этот крошечный острый стебелек выбрасывал десятки отростков, тут же покрывавшихся зеленью, и каждую секунду увеличивался примерно на сантиметр. Вокруг Дигори росла уже чуть не сотня таких, и когда они достигли почти высоты его роста, он их узнал. «Деревья!» — воскликнул мальчик.

Беда в том, рассказывала потом Полли, что наслаждаться всем этим дивом им не давали. Стоило Дигори сказать свое «Деревья!», как ему пришлось отпрыгнуть в сторону от дядюшки Эндрю, который, подкравшись, совсем было запустил руку мальчику в карман. Правда, дядюшке несколько бы не помог успех его предприятия, потому что он метил в правый карман. Он же до сих пор думал, что домой уносят желтые кольца. Но Дигори, разумеется, не хотел отдавать ему ни желтых, ни зеленых.

— Стой! — вскричала ведьма. — Назад! Еще дальше! Тому, кто подойдет ближе, чем на десять шагов, к детям, я разможу голову! Она держала наготове железный брусочек, отломанный от фонарного столба. Почему-то никто не сомневался, что она не промахнется.

— Значит так! — добавила она. — Ты намеревался бежать в свой собственный мир с мальчишкой, а меня оставить здесь!

Характер дядюшки Эндрю, наконец, помог ему превозмочь свои страхи.

— Да, мадам, я намеревался поступить именно так, — заявил он,

— именно так! Я обладаю на это неотъемлемым правом. Вы обращались со мной самым постыдным и неприемлемым образом, мадам. Я постарался показать вам все самое привлекательное в нашем мире. И в чем же состояла моя награда? Вы ограбили — я повторяю, ограбили весьма уважаемого ювелира. Вы настаивали на том, чтобы я пригласил вас на исключительно дорого-

стоящий, чтобы не сказать, разорительный обед, несмотря на то, что с этой целью мне пришлось заложить свои часы и цепочку. Между тем, мадам, в нашем семействе никто не имел прискорбной привычки к знакомству с ростовщиками, кроме моего кузена Эдварда, служившего в армии. В течение этой предельно неприятной трапезы, о которой я вспоминаю с растущим отвращением, ваше поведение и манера разговора привлекли недоброжелательное внимание всех присутствующих! Мне кажется, что моей репутации нанесен непоправимый урон. Я никогда вновь не смогу появиться в этом ресторане. Вы совершили нападение на полицию. Вы похитили...

— Помолчали бы, хозяин, перебил извозчик. — Посмотрите, какие чудеса творятся. Право, помолчите. Послушайте лучше, полюбуйте.

В самом деле, им было что послушать и чем полюбоваться. То дерево, которое первым появилось у ног Дигори, успело превратиться в развесистый бук, мягко шелестевший ветвями над головой мальчика. Путники стояли на прохладной зеленой траве, испещренной лютиками и ромашками. Подальше, на берегу реки, склонялись ивы, а с другого берега к ним тянулись цветущие ветки сирени, смородины, шиповника, рододендронов. Лошадь за обе щеки уплетала свежую траву.

А лев все пел свою песню, все расхаживал взад и вперед величавой поступью. Тревожно было, правда, то, что с каждым своим поворотом он подходил чуть ближе. А Полли вся обратилась в слух. Ей казалось, что она уже улавливает связь между музыкой и происходящим в этом мире. Когда на откосе метрах в ста появилась темная полоска елей, Полли сообразила, что за миг до этого лев издал несколько глубоких, длинных нот. А когда ноты повыше стали быстро-быстро сменять друг друга, она не удивилась, увидав, как повсюду внезапно зацвели розы. В невыразимом восторге она поняла, что все вокруг создает именно лев, «придумывает», как она позже говорила. Прислушиваясь к песне, мы различали только звуки, издаваемые львом, но вглядываясь в окружающее — видели жизнь, которая рождалась от этих звуков. И все это было так замечательно и дивно, что у Полли просто не было времени предаваться страхам. А вот Дигори и извозчик не могли побороть беспокойства, растущего с каждым шагом льва. Что же до дядюшки Эндрю, то он и вовсе стучал зубами от ужаса, и не убегал только из-за дрожи в коленках.

Вдруг ведьма смело выступила навстречу льву, который распевал, медленно расхаживая тяжелым шагом, всего метрах в десяти. Она подняла руку и метнула в него железным брусом, целясь прямо в голову.

На таком расстоянии никто бы не промахнулся, а уж Джадис — тем более. Брусок ударил льва точно между глаз, отскочил и упал в траву. Лев приближался — не медленнее, и не быстрее, будто вовсе не заметил удара. Его лапы ступали мягко, но земля, казалось, подрагивала под их тяжестью.

Колдунья взвизгнула и бросилась бежать, быстро скрывшись среди деревьев. За ней бросился дядя Эндрю, да сразу споткнулся и плюхнулся ничком в ручей, впадавший в речку. А дети двигаться не могли, и даже, наверное, не хотели. Лев не обращал на них никакого внимания. Его огромная алая пасть была раскрыта для песни, а не для рыка. Дети могли бы дотронуться до его гривы, так близко он прошествовал. Они вроде и боялись, что он обернется, но в то же время как-то странно этого хотели. А он прошел мимо, словно не видел их и не чувствовал их запаха. Сделал несколько шагов, повернул обратно, снова миновал людей и пошел дальше на восток.

Дядюшка Эндрю, кашляя и стряхивая с себя воду, кое-как поднялся.

— Вот что, Дигори, — заявил он, — от этой дикой женщины мы избавились, а зверюга, лев этот, сам ушел. Так что дай мне руку и немедленно надевай кольцо.

— А ну-ка! — крикнул Дигори, отступая от дядюшки. — Держись от него подальше, Полли. Подойди, стань со мной. Я вас предупреждаю, дядя, стоит вам подойти еще на один шаг, и мы с Полли исчезнем.

— Исполни немедленно, что тебе приказано! Ты крайне недисциплинированный и неблаговоспитанный мальчишка!

— Я вас не боюсь, — отвечал Дигори. — Мы хотим задержаться тут и посмотреть. Вы же интересовались другими мирами. Разве не здорово очутиться в одном из них самому?

— Здорово? — воскликнул дядюшка. — Обрати внимание на мое состояние, юноша. Эти лохмотья еще недавно были моим лучшим плащом и лучшим фракком!

Вид у него и впрямь был кошмарный. Оно и неудивительно — ведь чем наряднее одежда, тем меньше смысла выползть из разломанного кэба, а потом падать в ручей с илистым дном. «Я

отнюдь не утверждаю, — добавил он, — что эта местность лишена познавательного интереса. Будь я помоложе... и если б мне удалось прислать сюда какого-нибудь крепкого молодца, из охотников на крупную дичь, чтобы он, так сказать, расчистил эти места... из них можно было сделать нечто достойное внимания. Климат великолепен. Никогда не дышал таким воздухом. Он, несомненно, пошел бы мне на пользу... при более благоприятных обстоятельствах. Жаль, весьма жаль, что мы не располагаем ружьем.

— О каких это вы ружьях, хозяин? — с упреком сказал извозчик.

— Я, пожалуй, пойду искупать лошадку. Этот зверь, между прочим, умнее многих людей. И он направился к лошади, издавая особенные звуки, хорошо известные конюхам.

— Вы что, до сих пор думаете, что этого льва можно застрелить? — спросил Дигори. — Той железной штуковины он даже не заметил.

— При всех ее недостатках, — оживился дядюшка Эндрью, эта весьма сообразительная молодая особа поступила крайне правильно.

Он потер руки и похрустел суставами, снова начисто забыв, как ведьма его страшила, пока была рядом.

— А по-моему, отвратительно, — сказала Полли. — Что он ей сделал?

— Ой! А это что такое? — Дигори рванулся к какому-то небольшому предмету шагах в трех от себя. — Полли, Полли! Иди-ка сюда, взгляни!

Дядюшка тоже увязался за девочкой, не из пустого интереса, а потому, что хотел держаться к детям поближе и при случае стянуть у них колечки. Но когда он увидал, в чем дело, его глазки загорелись. Перед ними стояла точехонькая маленькая копия фонарного столба, длиной около метра, которая на глазах удлинялась и толстела, иными словами, росла на манер дерева.

— Примечательно, весьма примечательно, — пробормотал дядюшка.

— Даже я никогда и мечтать не смел о таких чарах. Мы находимся в мире, где растет и оживает все, включая фонарные столбы. Остается загадкой, из каких же семян произрастают эти последние?

— Вы что, не поняли? Здесь же упал тот брусочек, который она сорвала с фонарного столба. Он в землю погрузился, а теперь из него вырастает молодой фонарный столб.

Столб, между прочим, был уже не такой молодой — он успел вырасти выше Дигори.

— Вот именно! Ошеломляющий феномен, — дядя еще сильнее потер руки. — Хо-хо! Над моей магией потешались. Моя глупая сестра считает меня сумасшедшим! Что вы теперь скажете, господа? Я открыл мир, переполненный жизнью и развитием! Отовсюду слышишь — Колумб, Колумб. А кто такой Колумб, и чего стоит его Америка по сравнению с этим миром! Коммерческие возможности этой страны воистину беспредельны. Достаточно привезти сюда железного лома, закопать его в землю, и он тут же превратится в новехонькие паровые машины, военные корабли, что угодно! Затрат никаких, а сбыть все это добро в Англии за полную цену — раз плюнуть. Я стану миллионером. А климат! Я уже чувствую себя на двадцать лет моложе. Здесь можно устроить курорт, вот что. Санаторий. И драть с пациентов тысяч по двадцать в год. Конечно, придется кое-кого посвятить в тайну... но главное, главное — пристрелить эту зверюгу!

— Вы совсем как та ведьма, — сказала Полли. — Вам бы только убивать.

— Что же касается лично меня, — продолжал мечтать Эндрью, — подумать только, до каких лет я тут могу дожить! В шестьдесят лет об этом приходится думать! Потрясающе! Край вечной юности!

— Ой! — вскрикнул Дигори. — Край вечной юности? Вы и вправду так думаете? — Конечно же, он вспомнил тетин разговор с гостьей, которая принесла виноград, и его снова охватила надежда.

— Дядя Эндрью, — сказал он, — а вдруг здесь действительно найдется что-то такое, чтобы мама выздоровела?

— О чем ты? — удивился дядя. Это же не аптека. Однако, как я только что сказал...

— Вам начихать на маму, — возмутился Дигори. — Я-то думал... я думал, она же вам сестра, она не только мне мама... Ладно. Раз так, то я пойду к самому льву. И спрошу его. — Повернувшись, он быстро зашагал прочь. Полли, чуть помешкав, отправилась вслед за мальчиком.

— Эй, стой! Вернись! Мальчишка сошел с ума, — заключил дядюшка. Подумав, он тоже пошел за детьми, хотя и на приличном расстоянии. Ведь кольца, как-никак, оставались у них.

Через несколько минут Дигори уже стоял на опушке леса. Лев все еще продолжал свою

песню, но она снова изменилась. В ней появилось то, что можно бы назвать мелодией, но при этом сама песня стала куда безудержней, под нее хотелось бежать, прыгать, куда-то карабкаться, громко кричать. Дигори, слушая, разгорячился и покраснел — его одолевало желание бежать к людям, и не то обниматься с ними, не то драться. Песня подействовала даже на дядюшку Эндрью, потому что Дигори услышал его бормотание: «Одухотворенная девица, да. Жаль, что столь невоздержанного нрава, но прекрасная женщина несмотря ни на что, прекрасная». Но куда сильнее, чем на двух людей, подействовала песня на новорожденный мир перед ними.

Можете ли вы представить, как покрытая травой поляна кипит, словно вода в котле? Пожалуй, лучше я не смогу описать происходившего. Повсюду, куда ни глянь, вспухали кочки самых разных размеров — одни с кротовый холмик, другие — с бочку, две

— в целый домик. Кочки эти росли, покуда не лопнули, рассыпая землю во все стороны, и из них стали выходить животные. Кроты, например, вылезли точно так же, как где-нибудь в Англии. Собаки принимались лаять, едва на свет появлялась их голова, и тут же начинали яростно работать лапами и всем телом, словно пробираясь сквозь дыру в заборе. Забавней всего появлялись олени — рога у них высовывались прежде остального тела, и Дигори поначалу принял их за деревья. Лягушки, появившись близ реки, тут же с кваканьем принялись шлепаться в воду. Пантеры, леопарды и их родичи сразу же стряхивали землю с задних лап, а потом точили когти о деревья. С деревьев струились настоящие водопады птиц. Порхали бабочки. Пчелы поспешили к цветам, как будто у них не было ни одной лишней минуты. А удивительнее всего было, когда лопнул целый холм, произведя нечто вроде небольшого землетрясения, и на свет вылезла покатаая спина, большая мудрая голова и четыре ноги в мешковатых штанах. Это был слон. Песню льва почти совсем заглушили мычанье, криканье, блеянье, рев, рычание, лай, щебет и мяуканье.

Хотя Дигори больше не слышал льва, он не мог отвести глаз от его огромного яркого тела. Животные не боялись этого зверя. Процокав копытами, мимо Дигори пробежала его старая знакомая, лошадь извозчика. (Воздух этих мест, видимо, действовал на нее так же, как на дядюшку Эндрью. Земляничка бодро переставляла ноги, высоко подняла голову и ничем уже не напоминала заезженное, несчастное существо, которым она была в Лондоне.) И тут лев впервые затих. Теперь он расхаживал среди животных, то и дело подходя к какой-нибудь паре — всегда к паре — и трогая их носы своим. Он выбрал пару бобров, пару леопардов, оленя с оленихой. К некоторым зверям он не подходил вовсе. Но те, кого он выбрал, тут же оставляли своих сородичей и следовали за ним. Когда лев, наконец, остановился, они окружали его широким кругом. А остальные звери понемногу начали разбредаться, и голоса их замолкли в отдалении. Избранные же звери молча смотрели на льва. Никто не шевелился, только из породы кошачьих иногда поводили хвостами. Впервые за весь день наступила полная тишина, нарушаемая только плеском бегущей реки. Сердце Дигори сильно колотилось в ожидании чего-то очень торжественного. Он не забыл про свою маму, только знал, что даже ради нее он не может вмешаться в то, что перед ним совершалось.

Лев, не мигая, глядел на зверей так пристально, будто хотел испепелить их своим взором. И постепенно они начали меняться. Те, кто поменьше, — кролики, кроты и прочие — заметно подросли. Самые большие, особенно слоны, стали поскромнее в размерах. Многие звери встали на задние лапы. Многие склонили головы набок, будто пытаясь что-то лучше понять. Лев раскрыл пасть, но вместо звуков издал только долгое, теплое дыхание, которое, казалось, качнуло всех зверей, как ветер качает деревья. Далеко наверху, за пределом голубого неба, скрывавшего звезды, снова раздалось их чистое, холодное, замысловатое пение. А потом не то с неба, не то от самого льва вдруг метнулась никого не обжигая, стремительная огненная вспышка. Каждая капля крови в жилах Дигори и Полли вспыхнула, когда они услышали небывало низкий и дикий голос: «Нарния, Нарния, Нарния, проснись. Люби. Мысли. Говори. Да будут твои деревья ходить. Да будут твои звери наделены даром речи. Да обретут душу твои потоки».

Глава десятая. ПЕРВАЯ ШУТКА И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ

Это, конечно, говорил лев. Дети давно уже подозревали, что говорить он умеет, и все-таки сильно разволновались, услышав его слова.

Из лесу выступили дикие люди — боги и богини деревьев, а с ними фавны, сатиры и карлики. Из реки поднялся речной бог со своими дочерьми-наядами. И все они, вместе со зверями и птицами, отвечали — кто высоким голосом, кто низким, кто густым, кто совсем тоненьким:

«Да, Аслан! Мы слышим и повинuemся. Мы любим. Мы думаем. Мы говорим. Мы знаем».

— Только знаем мы совсем мало покуда, — раздался чей-то хрипловатый голос. Тут дети прямо подпрыгнули, потому что принадлежал он лошади извозчика.

— Молодец, Земляничка! — сказала Полли. — Как здорово, что ее тоже выбрали в говорящие звери.

И извозчик, стоявший теперь рядом с детьми, добавил:

— Чтоб мне пусто было! Но я всегда говорил, что этой лошадке не занимать мозгов.

— Создания, я дарю вам вас самих, — продолжал Аслан сильным, исполненным счастья голосом. — Я навеки отдаю вам землю этой страны, Нарнии. Я отдаю вам леса, плоды, реки. Я отдаю вам звезды и самого себя. Отдаю вам и обыкновенных зверей, на которых не пал мой выбор. Будьте к ним добры, но не подражайте им, чтобы остаться Говорящими Зверьми. Ибо от них я взял вас, и к ним вы можете вернуться. Избегайте этой участи.

— Конечно, Аслан, конечно, — зазвучало множество голосов. «Не бойся!» громко прокричала какая-то галка. Беда в том, что все уже кончили говорить ровно за секунду перед ней, так что слова бедной птицы раздались в полном молчании. А вы, наверное, знаете, как это бывает глупо — в гостях, например. Так что галка настолько засмушалась, что спрятала голову под крыло, словно собираясь заснуть. Что же до остальных зверей, то они принялись издавать всякие странные звуки, означавшие смех — у каждого свой. В нашем мире никто такого не слышал. Сначала звери пытались унять смех, но Аслан сказал им:

— Смейтесь, создания, не бойтесь. Вы уже не прежние бессловесные неразумные твари, и никто вас не заставляет вечно быть серьезными. Шутки, как и справедливость, рождаются вместе с речью.

Смех зазвучал в полную силу, так, что даже галка снова собралась с духом, присела между ушами Землянички и захлопала крыльями.

— Аслан! Аслан! Получается, что я первая пошутила? И теперь все и всегда будут об этом знать? — Нет, подружка, — отвечал лев. — Не то что ты первая пошутила. Ты сама и есть первая в мире шутка.

Все засмеялись еще пуще, но галка нисколько не обиделась и веселилась вместе с остальными, покуда лошадь не тряхнула головой, заставив ее потерять равновесие и свалиться. Правда, галка, не успев долететь до земли, вспомнила, что у нее есть крылья, к которым она привыкнуть еще не успела.

— Нарния родилась, — сказал лев, — теперь мы должны беречь ее. Я хочу позвать кое-кого из вас на совет. Подойдите сюда, главный карлик, и ты, речной бог, и ты, дуб, и ты, филин, и вы, оба ворона, и ты, слон. Нам надо посоветоваться. Ибо хотя этому миру еще нет пяти часов от роду, в него уже проникло зло.

Создания, которых позвал лев, подошли к нему, и все они побрели в сторону, на восток. А остальные принялись на все лады тараторить:

«Что это такое проникло в мир? Лазло? Кто это такой? Клозло? А это что такое?»

— Слушай, — сказал Дигори своей подружке, мне нужно к нему, в смысле, к Аслану, льву, Я должен с ним поговорить.

— Думаешь, можно? — отвечала Полли. Я бы побоялась.

— Я с тобой пойду, — сказал вдруг извозчик. — Мне этот зверь нравится, а остальных чего пугаться. И еще, хочу парой слов перемолвиться с Земляничкой.

И все трое, набравшись смелости, направились туда, где собрались звери. Создания так увлеченно говорили друг с другом и знакомились, что не замечали людей, покуда те не подошли совсем близко. Не слышали они и дядюшки Эндрью, который стоял в своих шнурованных сапогах на приличном расстоянии и умеренно громким голосом кричал:

— Дигори! Вернись! Вернись немедленно, тебе говорят! Я запрещаю тебе идти дальше!

Когда они, наконец, очутились в самой гуще звериной толпы, все создания сразу замолкли и уставились на них.

— Ну-с, сказал бобр, — во имя Аслана, это еще кто такие?

— Пожалуйста, — начал было Дигори сдавленным голосом, но его перебил кролик.

— Думаю, — заявил он, — что это огромные листья салата.

— Ой, что вы! — заторопилась Полли. — Мы совсем невкусные!

— Ага! — произнес крот. — Они умеют говорить. Лично я не слышал о говорящем салате.

— Наверное, они — вторая шутка, — предположила галка.

— Даже если так, — пантера на мгновение прекратила умываться,

— первая была куда смешнее. Во всяком случае, я в них не вижу ничего смешного. — Она зевнула и снова начала прихорашиваться.

— Пожалуйста, пропустите нас! — взмолился Дигори. — Я очень тороплюсь. Мне надо поговорить со львом.

Тем временем извозчик все пытался поймать взгляд своей Землянички.

— Слушай, лошадка, — он наконец посмотрел ей в глаза, ты меня знаешь, правда?

— Чего от тебя хочет эта Штука? — заговорило сразу несколько зверей.

— Честно говоря, — речь Землянички была очень медленной, — я и сама толком не понимаю. Но знаете, кажется, я что-то похожее раньше видела. Кажется, я раньше где-то жила или бывала перед тем, как Аслан нас разбудил несколько минут назад. Только все мои воспоминания такие смутные. Как сон. В этом сне были всякие штуки вроде этих троих.

— Чего? — возмутился извозчик. — Это ты-то меня не знаешь? А кто тебя распаренным овсом кормил, когда ты хворала? Кто тебя отмывал, как принцессу? Кто тебя никогда не забывал накрывать попоной на морозе? Ох, Земляничка, не ждал я от тебя такого!

— Я действительно что-то вспоминаю, — сказала лошадь вдумчиво. — Да. Дайте подумать. Точно, ты привязывал ко мне сзади какой-то жуткий черный ящик, что ли, а потом бил меня, чтобы я бежала, и эта черная штука всегда-всегда за мной волочилась и дребезжала...

— Ну, знаешь ли, нам обоим приходилось на хлеб зарабатывать,

— сказал извозчик. — И тебе, и мне. Не будь работы и кнута — не было б у тебя ни теплой конюшни, ни сена, ни овса. А у меня чуть деньги заводились, я тебе всегда овес покупал. Или нет?

— Овес? — Лошадь наострила уши. — Припоминаю. Ты всегда сидел где-то сзади, а я бежала спереди, тянула и тебя, и черную штуку. Это я всю работу делала, я помню.

— Летом-то да, — сказал извозчик. — Ты вкалывала, а я прохлаждался на облучке. А как насчет зимы, старушка? Тебе-то тепло было, ты бегала, а я там торчал — ноги, как ледышки, нос чуть не отваливается от мороза, руки, как деревянные, прямо вожжи вываливались.

— Плохая была страна, — продолжала Земляничка. — И травы никакой не росло, одни камни.

— Ох как точно, подружка, — вздохнул извозчик. — В том мире тяжело. Я всегда говорил, что для лошади ничего нет хорошего в этих мостовых. Лондон, понимаешь ли. Я его любил не больше твоего. Ты деревенская лошадка, а я ведь тоже оттуда, я в церковном хоре пел. Только жить там было не на что, в деревне.

— Ну пожалуйста, — заговорил Дигори, — пожалуйста, пустите нас, а то лев все дальше уходит, и я с ним поговорить не смогу. Мне ужасно нужно.

— Слушай-ка, Земляничка, — сказал извозчик, — этот молодой человек хочет со львом поговорить, и дело у него самое что ни на есть важное. Ты не могла бы позволить ему прокатиться у тебя на спине? Он тебе спасибо скажет. Отвези его к вашему Аслану, а мы с девочкой пойдем сзади пешочком.

— На спине? — откликнулась лошадь. — помню, помню! Когда-то давно один маленький двуногий вроде вас это со мной делал. У него были маленькие твердые кусочки чего-то белого для меня. И они были куда вкусней травы!

— А, сахар! — сказал извозчик.

— Пожалуйста, Земляничка, — упрашивал ее Дигори, — ну пожалуйста, отвези меня к Аслану!

— Ладно, я не против, — сказала лошадь. — Иногда можно. Залезай.

— Славная старая Земляничка, — сказал извозчик. — Давай, молодой человек, я тебя подсажу.

Вскоре Дигори уже не без удобства устроился на спине у Землянички. Ему и раньше приходилось кататься верхом без седла — на своем собственном пони.

— А теперь поторопись, Земляничка, — сказал он.

— У тебя случайно нет кусочка из тех белых? — спросила лошадь.

— Боюсь, что нет.

— Что ж, ничего не поделаешь, — вздохнула лошадь, и они тронулись в путь.

Тут один крупный бульдог, который все это время принюхивался и приглядывался, сказал:

— Смотрите! Вон там, за речкой, в тени деревьев, кажется, еще одно из этих смешных созданий.

Все звери увидели дядюшку Эндрю, стоявшего среди рододендронов в надежде, что его никто не заметит. «Пошли, пошли, — заговорили они на все голоса, — посмотрим, кто там такой». Так что покуда Земляничка с Дигори на спине бежали в одном направлении (Полли и извозчик шли сзади пешком), почти все звери заспешили к дядюшке Эндрю, выражая свой оживленный интерес рыком, лаем, блеяньем и другими разнообразными звуками.

Тут нам придется вернуться назад, чтобы описать все происходившее с точки зрения дядюшки Эндрю. Его одолевали совсем не те чувства, что детей и доброго извозчика. И в самом деле, дело тут не только в том, где он стоял, а в том, что он был за человек.

С первого появления зверей дядя Эндрю отступал все глубже и глубже в заросли кустарника. Разумеется, он пристально за ними наблюдал, только не из любопытства, а от страха. Как и ведьма, он был ужасно практичным. Например, он просто не заметил, что Аслан выбрал по одной паре из каждой породы зверей. Видел он только большое количество расхаживающих повсюду опасных диких зверей, и все удивлялся, почему остальные животные не пустились наутек от огромного льва.

Когда настал великий миг и звери заговорили, он совсем ничего не понял по одной довольно занятой причине. Дело в том, что при первых же звуках львиной песни, еще в темноте, он понял, что слышит музыку, и что музыка эта ему крайне не по душе. Она заставляла его думать и чувствовать не так, как он привык. Потом, когда взошло солнце, и он увидел, что поет, по его выражению, всего лишь какой-то лев, он стал изо всех сил уговаривать себя, что никакое это не пение, а обыкновенный рев, который в нашем мире может издать любой лев в зоопарке. «Нет-нет, — думал он, — ну как львы могут петь? Я это себе придумал. У меня нервы расстроились». И чем дольше лев пел, чем прекрасней становилась его песня, тем усерднее уговаривал себя дядюшка Эндрю. Есть одна неприятность, подстерегающая тех, кто пытается стать глупее, чем он есть на самом деле: это предприятие нередко завершается успехом. Дядюшке тоже это удалось, и вскоре он действительно ничего не слышал в песне Аслана, кроме рева. А еще через несколько минут уже ничего не различил бы в ней, даже если бы захотел. Так что даже при словах «Нарния, проснись!» до него долетело только рыкание. Речи заговоривших зверей казались ему лишь лаем, кваканьем, визжанием и блеяньем, а их смех тем более. Дядюшка Эндрю, в сущности, переживал худшие минуты в своей жизни. Никогда раньше не доводилось ему встречать такой ужасной и кровожадной своры голодных, злых животных. И когда он увидал, что дети с извозчиком направились к ним, его охватил ужас и негодование.

«Безумцы! — сказал он про себя. — Теперь эти зверюги сожрут кольца вместе с детьми, и я никогда не вернусь домой! Какой эгоистичный мальчик этот Дигори! И те двое тоже хороши. Не дорожить собственной жизнью — их личное дело, но как же насчет МЕНЯ? Обо мне и не вспомнили. Никто обо мне не думает».

В конце концов, увидав, как к нему бежит вся стая зверей, дядя повернулся и пустился наутек. Очевидно, воздух этого молодого мира и впрямь неплохо действовал на этого пожилого джентльмена. В Лондоне он не бегал из-за возраста, а в Нарнии мчался с такой скоростью, что первым прибежал бы к финишу на первенстве старшеклассников. Фалды его фрака крайне живописно развевались на ветру. Однако шансов у дядюшки имелось немного. Среди преследовавших его зверей было немало первоклассных бегунов, горящих желанием впервые испробовать мускулы. «Лови! Лови! — кричали они. — Это Казло! Вперед! За ним! Заходи! Держи!»

В считанные минуты кое-какие звери уже обогнали дядюшку, выстроились в шеренгу и перегородили ему дорогу. Остальные отрезали ему путь к отступлению. Вокруг себя старый волшебник видел ужасную картину. Над его головой встали рога огромных лосей и гигантская морда слона. Сзади топтались тяжелые, весьма серьезно настроенные медведи и кабаны. Леопарды и пантеры уставились на него, как ему казалось, хладнокровно-издевательскими взглядами. Больше всего дядюшку ужасали разинутые пасти зверей. На самом-то деле они просто переводили дух, но дядюшка полагал, что его собираются сожрать.

Дрожа, дядя Эндрю покачивался из стороны в сторону. Животных он всю жизнь в лучшем случае побаивался, а в худшем еще и ненавидел, хотя бы потому, что поставил на них сотни жестоких опытов.

— Ну, а теперь, сэр, скажите нам, — деловито произнес бульдог, вы животное, растение или

минерал?

Вместо этих слов дядя Эндрю услышал только «р-р-р-ав!»

Глава одиннадцатая. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДИГОРИ И ЕГО ДЯДЮШКИ

Вам может показаться, что звери были очень глупы, раз они не сумели сразу понять, что дядюшка принадлежит к одной породе с извозчиком и двумя детьми. Но не забудьте, что об одежде они не имели никакого представления. Платице Полли, котелок извозчика и костюмчик Дигори представлялись им такой же частью их обладателей, как на зверях — мех или перья. Если б не Земляничка, никто из них и в этих троих не признал бы одинаковых существ. Дядя же был куда длиннее детей и куда более тощим, чем извозчик. Носил он черное, за исключением белой манишки (несколько утратившей свою белизну), и седая грива его волос (порядком растрепавшаяся) была совсем не похожа на шевелюру остальных людей. Немудрено, что звери совсем запутались. К довершению всего, он вроде бы и говорить не умел.

Правда, он попытался произнести несколько слов. В ответ на речь бульдога, которая показалась дядюшке рычанием и лаем, он протянул вперед свою дрожащую руку и кое-как выдохнул: «Собачка, славенькая моя...» Но звери поняли его не лучше, чем он — их. Вместо слов они слышали только слабое бульканье. Может, оно было и к лучшему. Мало кому из моих знакомых псов, и уж тем более говорящему бульдогу из Нарнии, нравилось, когда их называли «собачкой». Вам бы тоже не понравилось, если б вас называли «малышом».

И тут дядюшка Эндрю свалился в обморок.

— Ага! — сказал кабан. — Это просто дерево. Я с самого начала так подумал.

Не забудьте, этим зверям никогда не доводилось видеть не только обморока, но и просто падения.

— Это животное, — заключил бульдог, тщательно обнюхав упавшего. — Несомненно. И скорее всего, той же породы, что и те трое.

— Вряд ли, — возразил один из медведей. — Звери так не падают. Мы же — животные. Разве мы падаем? Мы стоим, вот так. — Он поднялся на задние лапы, сделал шаг назад, споткнулся о низкую ветку и повалился на спину.

— Третья шутка, третья шутка, третья шутка! — заверещала галка в полном восторге.

— Все равно я думаю, что это дерево, — настаивал кабан.

— Если это дерево, — предположил другой медведь, — то в нем может быть пчелиное гнездо.

— Я уверен, что это не дерево, — сказал барсук. — По-моему, оно пыталось что-то сказать перед тем, как упало.

— Ни в коем случае, — упрямылся кабан, — это ветер шелестел у него в ветках.

— Ты что, всерьез думаешь, что это — говорящий зверь? — спросила галка у барсука. — Он же ни слова толком не сказал!

— Все-таки мне кажется, что это зверь, — сказала слониха. — Ее мужа, если вы помните, вызвал к себе совещаться Аслан. Вот на этом конце белое пятно — вполне сойдет за морду. А эти дырки за глаза и рот. Носа, правда, нет. Но, с другой стороны, зачем же быть узколобыми? Многие ли из нас могут похвастаться настоящим носом? — И она с простительной гордостью прошлась глазами по всей длине своего хобота.

— Решительно возражаю против этого замечания, — рявкнул бульдог.

— Слониха права, — сказал тапир.

— Вот что я вам скажу, — вступил ослик, — наверное, это обычный зверь, который просто думает, что умеет разговаривать.

— А нельзя ли его поставить прямо? — вдумчиво спросила слониха. Она обвила обмякшее тело дядюшки Эндрю хоботом и поставила вертикально, к несчастью, вниз головой, так что из его карманов вывалились два полусоверена, три полукроны и монетка в шесть пенсов. Это ничуть не помогло дядюшке. Он снова повалился на землю.

— Ну вот! — закричали другие звери. — Никакое это не животное. Оно совсем неживое.

— А я говорю, животное, — твердил бульдог, — сами понюхайте.

— Запах — это еще не все, — заметила слониха.

— Чему же верить, если не чутью? — удивился бульдог.

— Мозгам, наверное, — застенчиво сказала она.

— Решительно возражаю против этого замечания! — рявкнул бульдог.

— В любом случае, надо делать что-то, — продолжала слониха. — А вдруг это Лазло? Тогда его надо Аслану показать. Пускай решает большинство. Что это такое, звери, — животное или растение?

— Дерево, дерево! — закричал десяток голосов.

— Отлично, — сказала слониха, — значит, надо его посадить в землю. Давайте-ка выкопаем ямку.

Два крота быстро справились с этой задачей. Звери, правда, долго не могли согласиться, каким же концом сажать дядюшку Эндрью, и его едва не запихали в яму вниз головой. Кое-кто из зверей считал, что его ноги — это ветки, а значит, серая пушистая штука на другом конце (то есть, голова) должна быть корнями. Но другие сумели убедить их, что его раздвоенный конец длиннее другого, как и полагается корням, и земли на нем больше. Так что в конце концов его посадили правильно. Когда яму засыпали землей и утрамбовали, он оказался погруженным в нее до колен.

— У него жутко вялый вид, — отметил ослик.

— Разумеется, оно требует поливки, — отвечала слониха. — Я никого не хочу обидеть, но мне кажется, что в данном случае именно нос вроде моего мог бы очень пригодиться.

— Решительно возражаю против этого замечания! — это опять отозвался бульдог. Но слониха знай себе шла к реке. Там она набрала в хобот воды и вернулась, чтобы позаботиться о дядюшке Эндрью. С завидным усердием слониха продолжала свои прогулки взад-вперед, покуда не вылила на дядюшку несколько десятков ведер воды, так что вода стекала по полам его фрака, будто дядюшка в одетом виде принимал душ. В конце концов он пришел в себя и очнулся. Что это было за пробуждение! Но мы должны отвлечься от дядюшки. Пускай подумает о своих гадостях, если может, а мы займемся вещами поважнее.

Земляничка с Дигори на спине скакала все дальше, покуда голоса других зверей совсем не стихли. Аслан и несколько его помощников были уже совсем рядом. Дигори не посмел бы прервать их торжественное совещание, но этого ему делать и не пришлось. Стоило Аслану что-то промолвить, как и слон, и вороны, и все остальные отошли в сторонку. Спрыгнув с лошади, Дигори оказался лицом к лицу с Асланом. Признаться, он не ожидал, что лев будет таким огромным, таким прекрасным, таким ярко-золотистым и таким страшным. Мальчик даже не решался взглянуть ему в глаза.

— Простите... господин Лев... Аслан... сэр, — заикался Дигори, — вы не могли бы... то есть, вас можно попросить дать мне какой-нибудь волшебный плод из этой страны, чтобы моя мама выздоровела?

Мальчик отчаянно надеялся, что лев сразу же скажет «Да», и очень боялся, что тот ответит «Нет». Но слова Аслана оказались совсем неожиданными.

— Вот мальчик, — Аслан глядел не на Дигори, а на своих советников, — тот самый мальчик, который это сделал.

«Ой, — подумал Дигори, — что же я такого наделал?»

— Сын Адама, — продолжал лев, по моей новой стране, по Нарнии, бродит злая волшебница. Расскажи этим добрым зверям, как она очутилась здесь.

В голове у Дигори мелькнул целый десяток оправданий, но ему хватило сообразительности сказать чистую правду.

— Это я ее привел, Аслан, — тихо ответил он.

— С какой целью?

— Я хотел отправить ее из моего мира в ее собственный. Я думал, что мы попадем в ее мир.

— Как же она оказалась в твоём мире, сын Адама?

— Ч-чародейством.

Лев молчал, и Дигори понял, что надо говорить дальше.

— Это все мой дядя, Аслан. Он отправил нас в другой мир своими волшебными кольцами, то есть, мне пришлось туда отправиться, потому что сначала там оказалась Полли, и она прицепилась к нам до тех пор, пока...

— Вы ее встретили? — Аслан говорил низким, почти угрожающим голосом, сделав ударение на последнем слове.

— Она проснулась, — Дигори выглядел совсем несчастным и сильно побледнел. — Это я ее

разбудил. Потому что хотел узнать, что будет, если зазвонить в колокол. Полли не хотела, это я виноват, я с ней даже подрался... Я знаю, что зря. Наверное, меня заколдовала эта надпись под колоколом.

— Ты так думаешь? — голос льва был таким же низким и глубоким.

— Н-нет, — отвечал Дигори, — не думаю... я и тогда притворялся только.

В наступившем долгом молчании Дигори подумал, что он все испортил, и никакого лекарства для своей мамы теперь ему не дадут.

Когда лев заговорил снова, он обращался не к мальчику.

— Вот, друзья мои, — сказал он, — этому новому и чистому миру, который я подарил вам, еще нет семи часов от роду, а силы зла уже вступили в него, разбуженные и принесенные сыном Адама.

— Все звери, даже Земляничка, устали на Дигори так, что ему захотелось провалиться сквозь землю. — Но не падайте духом. Одно зло дает начало другому, но случится это не скоро, и я постараюсь, чтобы самое худшее коснулось лишь меня самого. А тем временем давайте решим, что еще на многие столетия Нарния будет радостной страной в радостном мире. И раз уж потомки Адама принесли нам зло, пусть они помогут его остановить. Подойдите сюда.

Свои последние слова он обратил к Полли и извозчику, которые уже успели подойти к звериному совету. Полли, вся обратившись в зрение и слух, крепко сжимала руку извозчика. А тот, едва взглянув на льва, снял свою шляпу-котелок, без которой никто его раньше никогда не видел, и стал куда моложе и симпатичней — настоящий крестьянин, а не лондонский извозчик.

— Сын мой, — обратился к нему Аслан, — я давно знаю тебя. Знаешь ли ты меня?

— Нет, сэр, — отвечал извозчик. — Не могу сказать, что знаю. Однако, извините за любопытство, похоже, что мы все-таки где-то встречались.

— Хорошо, — отвечал лев. — Ты знаешь куда больше, чем тебе кажется, и со временем узнаешь меня еще лучше. По душе ли тебе этот край?

— Чудные места, сэр, — отвечал извозчик.

— Хочешь остаться здесь навсегда?

— Понимаете ли, сэр, я ведь человек женатый. Если б моя женушка очутилась тут, она, я полагаю, тоже ни за какие коврижки не вернулась бы в Лондон. Мы с ней оба деревенские, на самом-то деле.

Встряхнув своей мохнатой головой, Аслан раскрыл пасть и издал долгий звук на одной ноте — не слишком громкий, но исполненный силы. Услышав его, Полли вся затрепетала, поняв, что лев призывает кого-то, и услышавший его не только захочет подчиниться, но и сможет — сколько бы миров и веков ни лежало между ним и Асланом. И потому девочка, хоть и удивилась, но не была по-настоящему потрясена, когда с ней рядом вдруг неизвестно откуда появилась молодая женщина с милым и честным лицом. Полли сразу поняла, что это жена извозчика, которую перенесли из нашего мира не какие-то хитрые волшебные кольца, а быстрая, простая и добрая сила, из тех, которые есть у вылетающей из гнезда птицы. Молодая женщина, видимо, только что стирала, потому что на ней был фартук, а на руках, обнаженных до локтей, засыхала мыльная пена. Будь у нее время облачиться в свои лучшие наряды и надеть воскресную шляпку с искусственными вишенками, она выглядела бы ужасно, но будничная одежда ей была к лицу.

Конечно, она подумала, что видит сон, и потому не кинулась к мужу спросить его, что с ними обоими приключилось. При виде льва, который по неизвестной причине совсем не испугал ее, а заставил женщину засомневаться, сон ли это, она сделала зверю книксен — в те годы многие деревенские барышни еще это умели, — а потом подошла к мужу, взяла его за руку и застенчиво огляделась.

— Дети мои, — сказал Аслан, глядя то на извозчика, то на его жену, — вы будете первыми королем и королевой Нарнии.

Извозчик в изумлении раскрыл рот, а жена его сильно покраснела.

— Вы будете править этими созданиями. Вы дадите им имена. Вы будете вершить справедливость в этом мире. Вы защитите их от врагов, когда те появятся. А они появятся, ибо в этот мир уже проникла злая колдунья.

Извозчик два или три раза прокашлялся.

— Вы уж простите, сэр, — начал он, — и душевное вам спасибо, от меня и от половины моей тоже, но я не тот парень, чтобы потянуть такое дело. Неученые мы.

— Что ж, — сказал Аслан, — ты умеешь работать лопатой и плугом? Ты умеешь возделывать землю, чтобы она приносила тебе пищу?

— Да, сэр, это мы умеем, воспитание у нас было такое.

— Ты сумеешь быть добрым и справедливым к этим созданиям? Помнить, что они не рабы, как неразумные звери в твоём мире, а говорящие звери, свободные существа?

— Это я понимаю, сэр, — отвечал извозчик, — я постараюсь их не обидеть. Попробую.

— А сможешь ты воспитать своих детей и внуков, чтобы они поступали так же?

— Попробую, сэр, непременно. Попробуем, Нелли?

— Сумеешь ты сделать так, чтобы твои дети и эти звери не делились на любимых и нелюбимых? И чтобы никто из них не властвовал над другими и не обижал их?

— Мне такие штуки всегда были не по душе, сэр. Честное слово. И любому, кого я за этим поймаю, здорово влетит. — Голос извозчика становился все медлительнее и глубже. Наверное, так он говорил, когда был мальчишкой в деревне, и еще не перенял хриплой городской скороговорки.

— И если враги пойдут на эту землю, — а они еще появятся — и если будет война, будешь ли ты первым, кто встанет на ее защиту и последним, кто отступит?

— Трудно сказать, сэр, — неторопливо отвечал извозчик, — надо попробовать. А вдруг струшу? До сих пор мне приходилось драться только кулаками. Но я попробую, и постараюсь лицом в грязь не ударить.

— Значит, — заключил Аслан, — ты умеешь все, что требуется от короля. Твою коронацию мы устроим. И будут благословенны и вы, и ваши дети, и ваши внуки. Одни будут королями Нарнии, другие — королями Архенландии, которая лежит за Южным хребтом. А ты дочка, — обратился он к Полли, простила своему другу то, что он натворил в зале со статуями, в покинутом дворце несчастного Чарна?

— Да, Аслан, мы уже помирились, — ответила Полли.

— Хорошо. Теперь займемся самим мальчиком.

Глава двенадцатая. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗЕМЛЯНИЧКИ

Помалкивающий Дигори чувствовал себя неважно, и только надеялся, что в случае чего не разревется и вообще не опозорится.

— Сын Адама, — сказал Аслан, — готов ли ты искупить свою вину перед Нарнией, моей милой страной, перед которой ты согрешил в первый же день ее создания?

— Честно говоря, я не вижу способа как бы я мог это сделать,

— сказал Дигори. — Королева-то сбежала, так что...

— Я спросил, готов ли ты, — перебил его лев.

— Да, — отвечал Дигори. — На мгновение его охватил соблазн сказать что-то вроде того, что он поможет льву, если тот пообещает помочь его маме, но мальчик вовремя понял: лев не из тех, с кем можно торговаться. И однако, произнося свое «да», Дигори, конечно же, думал о маме, о своих надеждах, и о том, как они понемногу исчезают, и в горле у него появился комок, а на глазах слезы, так что он все-таки добавил, еле выговаривая слова:

— Только... только вы не могли бы... как-нибудь, если можно... вы не могли бы помочь маме?

Впервые за весь разговор мальчик посмотрел не на тяжелые передние лапы льва, украшенные грозными когтями, а на его морду

— и в изумлении увидел, что лев успел наклониться к нему, и в глазах его стоят слезы — такие крупные и блестящие, что горе льва на миг показалось Дигори больше его собственного.

— Сынок, сынок, — сказал Аслан, — я же понимаю. Горе — могучая сила. Только мы с тобой в этой стране знаем, что это такое. Будем добры друг к другу. Но мне надо заботиться о сотнях грядущих лет для Нарнии. Злая колдунья, которую ты привел, еще вернется в эту страну. Может быть, это будет еще нескоро. Я хочу посадить в Нарнии дерево, к которому она не посмеет приблизиться. И дерево это будет долгие годы охранять Нарнию. Пусть земля эта узнает долгое солнечное утро перед тем, как над ней соберутся тучи. Ты должен достать мне семя, из которого вырастет это дерево.

— Хорошо, сэр. — Дигори не знал, как выполнить просьбу льва, но почему-то был уверен в своих силах. Аслан глубоко вздохнул, склонился еще ниже, поцеловал мальчика, и тот вдруг ис-

полнился новой силы и отваги.

— Сынок, — сказал лев, я все тебе объясню. Повернись на запад и скажи мне, что ты видишь.

— Я вижу высокие горы, Аслан, — сказал Дигори, — и потоки, обрушивающиеся со скал. А за скалами я вижу зеленые лесистые холмы. А за холмами чернеет еще один горный хребет, а за ним — совсем далеко — громоздятся снежные горы, как на картинках про Альпы. А дальше уже нет ничего, кроме неба.

— Ты хорошо видишь, — сказал лев. — Нарния кончается там, где низвергается со скалы водопад. Миновав скалу, ты выйдешь из Нарнии и очутишься в диком Западном крае. Пройдя через горы, отыщи зеленую долину с голубым озером, окруженным ледяными пиками. В дальнем конце озера ты найдешь крутой зеленый холм, а на его вершине — сад, в середине которого растет дерево. Сорви с него яблоко и принеси мне.

— Хорошо, сэр, — снова сказал Дигори. У него не было ни малейшего понятия о том, как он заберется на скалу и пройдет через горы. Но говорить он об этом не стал, чтобы лев не подумал, что он пытается увильнуть от поручения. Впрочем, он все-таки добавил: — Я надеюсь, ты не слишком торопишься, Аслан. Я же не могу быстро обернуться. — Юный сын Адама, я помогу тебе,

— Аслан повернулся к лошади, которая все это время тихо стояла рядом, отгоняя хвостом мух и склонив голову набок, словно ей было не очень легко следить за разговором. — Послушай, лошадка, хочешь стать крылатой?

Вы бы видели, как Земляничка тряхнула гривой, как у нее расширились ноздри и как она топнула по земле задним копытом. Конечно, ей хотелось превратиться в крылатую лошадь! Но вслух она сказала только:

— Если хочешь, Аслан... если не шутишь... да и чем я заслужила? Я ведь лошадь не из самых умных.

— Будь крылатой, — проревел Аслан, — стань матерью всех крылатых коней и зовись отныне Стрелой.

Лошадь застеснялась, совсем как в те далекие жалкие годы, когда она таскала за собой карету. Потом, отступив назад, она отогнула шею назад, словно спину ей кусали мухи, и укушенное место чесалось. А потом — точь-в-точь как звери, появлявшиеся из земли — на спине у Стрелы прорезались крылья, которые росли и расправлялись, стали больше орлиных, шире лебединых, громаднее, чем крылья ангелов на церковных витражах. Перья на крыльях сияли медью и отливали красным деревом. Стрела широко взмахнула ими и взмыла в воздух. На высоте трехэтажного дома она ржала, трубила и всхрапывала, покуда, описав полный круг, не спустилась на землю сразу всеми четырьмя копытами. Вид у нее был удивленный, смущенный и празднично-радостный.

— Тебе нравится, Стрела?

— Очень нравится, Аслан, — отвечала лошадь.

— Ты отвезешь юного сына Адама в ту долину, о которой я говорил?

— Что? Прямо сейчас? — спросила Земляничка или, вернее, Стрела. — Ура! Усаживайся, мальчик! Я таких, как ты уже возила на спине. Давным-давно. На зеленых лугах, там, где был сахар.

— О чем вы там шепчетесь, дочери Евы? — Аслан внезапно обернулся к Полли и жене извозчика, которые, кажется, уже подружились.

— Простите, сэр, — сказала королева Елена (именно так теперь звали Нелли, жену доброго извозчика), по-моему, девочка тоже хочет полететь, если, конечно, это не слишком опасно.

— Что ты на это скажешь, Стрела? — спросил лев.

— Мне-то что, сэр, они оба совсем крошки, — отвечала лошадь.

— Лишь бы слон не захотел с ними покататься.

У слона такого желания не оказалось, так что новый король Нарнии помог детям усесться на лошадь: Дигори он бесцеремонно подтолкнул, а Полли поднял так бережно, будто она была фарфоровая. «Вот они, Земляничка, то есть, извини, Стрела. Можешь отправляться».

— Не залетай слишком высоко, — попросил Аслан. Не пытайся пролететь над вершинами ледяных гор. Лети лучше через долины, узнавай их сверху по зеленому цвету, и тогда отыщешь дорогу. А теперь благословляю вас в путь.

— Ой! — Дигори потянулся погладить лошадь по блестящей шее. — Ну и здорово, Стрелка! Держись за меня покрепче, Полли.

Вся Нарния вмиг провалилась куда-то вниз и закружилась, когда Стрела, словно гигантский голубь, принялась описывать круг перед тем, как отправиться в свой долгий полет на запад. Полли с трудом могла отыскать взглядом короля с королевой, и даже сам Аслан казался лишь ярко-желтым пятнышком на зеленой траве. Вскоре в лицо им ударил ветер и Стрела стала махать крыльями медленнее и равномерней.

Под ними расстилалась вся Нарния, в разноцветных пятнах лужаек, скал, вереска и деревьев. Река текла по этому краю, словно ртутная ленточка. Справа на севере, за вершинами холмов, дети уже различали огромную пустошь, полого поднимавшуюся до самого горизонта. А слева от них горы были куда выше, но там и сям между ними виднелись просветы, заросшие соснами, сквозь которые угадывались южные земли, далекие и голубые.

— Наверное, там и есть эта Архенландия, — сказала Полли.

— Наверно, — отвечал Дигори, — только ты посмотри вперед!

Перед ними выросла крутая стена горных утесов, и детей почти ослепил свет солнца, танцующий на водопаде. Это река, ревущая и блистающая, низвергалась здесь в Нарнию из далеких западных земель. Они летели уже так высоко, что грохот водопада казался им легким рокотом, а вершины скал все еще были выше Стрелы и ее седоков.

— Тут придется полавировать, — сказала лошадь. — Держитесь покрепче.

Стрела полетела зигзагами, с каждым поворотом забираясь выше и выше. Воздух становился все холоднее. Снизу доносился клекот орлов.

— Смотри, посмотри назад, Дигори! — воскликнула Полли.

Сзади расстилалась вся долина Нарнии, у горизонта на востоке достигая сверкающего моря. Они забрались уже так высоко, что видели за северной пустошью горы, казавшиеся совсем крошечными, а на юге, — равнину, похожую на песчаную пустыню.

— Хорошо бы узнать, что это за места, — сказал Дигори.

— Неоткуда и не от кого, — сказала Полли. — Там ни души нет, в этих местах, и не происходит ничего. Миру-то этому всего день от роду.

— Погоди, — сказал Дигори. — И люди туда еще попадут, и историю этих мест когда-нибудь напишут.

— Хорошо, что не сейчас, — хмыкнула Полли. — Кто бы ее учил, эту историю, со всеми датами и битвами.

Они уже пролетали над вершинами скал, и через несколько минут долина Нарнии уже исчезла из виду. Теперь под ними лежали крутые горы, темные леса, да струилась река, вдоль которой летела Стрела. Главные хребты все еще маячили впереди, где мало что можно было увидеть из-за бьющего в глаза солнца. По мере того, как оно опускалось все ниже и ниже, все небо на западе превращалось в гигантскую печь, наполненную расплавленным золотом, — и горный пик, за которым солнце, наконец, село, так контрастно выделялся в этом свете, будто был сделан из картона.

— А здесь холодновато, — сказала Полли.

— И крылья у меня начинают уставать, — поддержала лошадь, а никакой долины с озером не видно. Давайте-ка спустимся и найдем приличный пятачок для ночлега, а? Нам уже никуда сегодня не добраться.

— Точно, сказал Дигори, — и поужинать бы тоже неплохо.

Стрела начала снижаться. Ближе к земле, в окружении холмов, воздух был куда теплее, и после многих часов тишины, нарушаемой лишь хлопанием лошадиных крыльев, Полли и Дигори с радостью услышали знакомые земные звуки: бормотание речки на ее каменном ложе, да шелест ветвей под легким ветерком. До них донесся запах прогретой солнцем земли, травы, цветов — и, наконец, Стрела приземлилась. Дигори, спрыгнув вниз, подал руку Полли. Оба они с удовольствием разминали затекшие ноги.

Долина, в которую они спустились, лежала в самом сердце гор. Снежные вершины, розовеющие в отраженном закатном свете, громоздились со всех сторон.

— Я ужасно голодный, — сказал Дигори.

— Что ж, угощайся, — Стрела отправила в рот огромный пучок травы и, не переставая жевать, подняла голову. Стебли травы торчали по обеим сторонам ее морды, словно зеленые усы. —

Давайте, ребята! Не стесняйтесь. Тут на всех хватит.

— Мы же не едим травы, — обиделся Дигори.

— Хм, хм, — отвечала лошадь, продолжая поглощать свой ужин. — Тогда... хм, честное слово, не знаю. И трава, между прочим, потрясающая.

Полли и Дигори с грустью друг на друга посмотрели.

— Между прочим, — сказал мальчик, — кое-кто мог бы и позаботиться о том, чтобы мы тут не сидели голодные.

— Аслан бы позаботился, надо было только попросить, — заметила лошадь.

— А сам он не мог догадаться? — спросила Полли.

— Без всякого сомнения, — согласилась сытая Стрела. — Мне только кажется, что он любит, когда его просят.

— И что же нам, спрашивается, теперь делать? — спросил Дигори.

— Откуда мне-то знать? — удивилась лошадь. — Лучше попробуйте травку. Она вкуснее, чем вы думаете.

— Что за глупости! — Полли притопнула ногой от возмущения. Будто тебе неизвестно, что люди не едят травы. Ты же не ешь бараньих котлет.

— Полли! Молчи про котлеты и все прочее, ладно? У меня от таких разговоров еще хуже живот сводит.

И он предложил девочке отправиться домой с помощью волшебных колец, чтобы там поужинать. Сам-то он не мог к ней присоединиться, потому что, во-первых, обещал Аслану выполнить поручение, а во-вторых, появившись дома, мог там застрять. Но Полли отказалась покидать его, и мальчик сказал, что это действительно по-товарищески.

— Слушай, — вспомнила девочка, — а ведь у меня в кармане до сих пор остатки от того пакета с ирисками. Все-таки лучше, чем ничего.

— Куда лучше. Только не дотронься до колечек, когда будешь шарить у себя в кармане, ладно?

С этой трудной и тонкой задачей Полли в конце концов справилась. Бумажный пакетик оказался размокшим и липким, так что детям пришлось скорее отдирает бумагу от ирисок, чем наоборот. Иные взрослые — вы же знаете, какие они в таких случаях бывают зануды — предпочли бы, верно, вовсе обойтись без ужина, чем есть эти ириски. Было их девять штук, и Дигори пришла в голову гениальная идея съесть по четыре, а оставшуюся посадить в землю, потому что «если уж обломок фонарного столба вырос тут в маленький фонарь, то почему бы из одной ириски не вырасти целому конфетному дереву?» Так что они выкопали в земле ямку и посадили туда ириску, а потом съели оставшиеся, пытаясь растянуть это удовольствие. Нет, неважная была трапеза, даже со всеми остатками пакета, которые они в конце концов съели тоже.

Покончив со своим замечательным ужином, Стрела легла на землю, а дети, подойдя к ней, уселись по сторонам, прислонившись к теплому лошадиному телу. Когда добрая лошадь укрыла Полли и Дигори своими крыльями, им стало совсем уютно. Под восходящими звездами этого молодого мира они говорили обо всем, и, конечно, о том, как Дигори надеялся получить лекарство для мамы, а взамен его послали в этот поход. И еще они повторили друг другу приметы, по которым должны были узнать место своего назначения — голубое озеро, и гору с садом на вершине. Голоса их мало-помалу становились тише, и дети уже почти засыпали, когда Полли вдруг привстала:

— Ой, слышите?

Все стали из всех сил прислушиваться.

— Наверное, ветер шумит в деревьях, — сказал наконец Дигори.

— Я не очень уверена, — сказала лошадь. — Впрочем... погодите! Опять.

Клянусь Асланом, что это такое?

Стрела с большим шумом вскочила на ноги; что до Полли и Дигори, то они вскочили еще раньше. Все они принялись осматривать место своего ночлега, раздвигать ветки, залезать в кусты. Полли один раз совершенно точно померещилась чья-то высокая темная фигура, ускользающая в западном направлении. Но поймать им никого не удалось, и в конце концов Стрела улеглась обратно, а дети снова устроились у нее под крыльями и мгновенно заснули. Лошадь не спала еще долго, шевеля ушами в темноте, и иногда вздрагивая, будто на нее садились мухи, но в конце концов заснула тоже.

Глава тринадцатая. НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

— Вставай, Дигори, вставай, Стрелка! — раздался голос Полли.

— Из нашей ириски правда выросло конфетное дерево! А погода какая!

Сквозь лес струились низкие лучи утреннего солнца, трава была вся серая от росы, а паутинки сияли, словно серебро. Прямо за ними росло небольшое дерево с очень темной корой, размером примерно с яблоню. Листья у него были серебристо-белые, как у ковыля, а между ними виднелись плоды, напоминавшие обыкновенные финики.

— Ура! — закричал Дигори. — Только я сначала попью.

Он пробежал через цветущую лужайку к реке. Вам когда-нибудь Наконец Полли и Дигори принялись за работу. Плоды конфетного дерева были даже вкуснее, чем простые ириски, мягче и сочнее. Собственно, это были фрукты, которые напоминали ириски. Стрела тоже прекрасно позавтракала. Попробовав один из плодов, она заявила, что ей нравится, но все-таки в такой час она предпочитает траву. После этого дети не без труда забрались к ней на спину и продолжили свое путешествие.

Оно казалось им еще чудеснее, чем накануне. Все чувствовали себя свежее, солнце светило им не в глаза, а в спину, не мешая разглядывать лежащие внизу красоты. Повсюду вокруг лежали горы, с вершинами, покрытыми снегом. Далеко внизу зеленели долины, синели ручьи, стекавшие с ледников в главную реку, и все это было похоже на драгоценную корону. Эта часть полета оказалась, правда, куда короче, чем им бы хотелось. Вскоре до них донесся незнакомый запах. "Что это?" — заговорили они. «Откуда? Чувствуете?» Так могли бы пахнуть самые замечательные плоды и цветы в мире. Запах этот, сильный и какой-то золотистый, доносился откуда-то спереди.

— Это из той долины с озером, — предположила Стрела.

— Точно, — отвечал Дигори, — смотрите! Вон зеленая гора в дальнем конце озера. И смотрите, какая вода голубая!

— Это и есть то самое место! — воскликнули все трое.

Стрела широкими кругами спускалась все ниже. Впереди высились снежные пики, а воздух теплел, становился таким нежным и сладостным, что хотелось плакать. Лошадь парила с распростертыми крыльями совсем близко к земле, вытянув ноги, чтобы подготовиться к приземлению. Вдруг на них резко надвинулся зеленый склон, и лошадь приземлилась — не вполне мягко, так что дети скатились у нее со спины и очутились на теплой траве. Никто не ушибся, только оба они слегка задыхались от волнения.

До вершины горы оставалась примерно четверть ее высоты, и дети сразу принялись карабкаться вверх по склону. (Между прочим, им это вряд ли удалось бы, если б Стрела со своими крыльями не приходила иногда на помощь — то подталкивая, то помогая удержать равновесие.) Вершину горы окружала земляная стена, а за ней росли раскидистые деревья. Листья на ветках, нависавших над стеною, под порывами ветерка отливали серебром и синью. Путникам пришлось обойти почти всю стену, покуда они не обнаружили в ней ворот; высокие золотые ворота были обращены на восток. Они были наглухо закрыты.

До этого момента, мне кажется, Полли и лошадь намеревались войти в сад вместе с Дигори. Но при виде ворот им сразу расхотелось. Место это выглядело удивительно негостеприимным. Только круглый дурак зашел бы туда просто так, без поручения. Дигори сразу же понял, что остальные и не захотят войти с ним в сад, и не смогут. Так что к воротам он подошел один.

Приблизившись к ним вплотную, мальчик увидел сделанную на золоте примерно такую надпись серебряными буквами:

Ты, что стоишь у золотых ворот, Пройди сквозь них, сорви заветный плод.

Но коль его другим не отнесешь, Страсть утолишь и муку обретишь.

— Но коль его другим не отнесешь, — повторил Дигори. — Именно с этим я сюда и явился. Надо полагать, что мне самому его есть не стоит. Не пойму, что за чушь в последней строчке. Пройди сквозь них, сквозь ворота, то есть. Естественно, не через стену же лезть, если ворота открыты. Только как же, спрашивается, их открыть? — Он прикоснулся к воротам и они тут же распахнулись внутрь, повернувшись на своих петлях совершенно бесшумно.

Теперь, когда Дигори увидел этот сад, он показался ему еще негостеприимнее. Озираясь, он весьма торжественно прошел сквозь ворота. Вокруг стояла тишина, даже фонтан, бьющий в цен-

тре сада, журчал совсем слабо. Дигори чувствовал все тот же дивный запах. Казалось, это было место, где жило счастье, но не было беззаботности. Нужное дерево он сразу узнал: во-первых, оно росло в самой середине сада, а во-вторых, было сплошь увешано большими серебряными яблоками. Яблоки отбрасывали блики, игравшие на траве, особенно яркие там, куда не попадало солнце. Пройдя прямо к дереву, он сорвал яблоко и положил его в нагрудный карман своей школьной курточки. Однако он не удержался и сначала осмотрел яблоко, а потом и понюхал его.

Сделал он это совершенно напрасно. Ему немедленно показалось, что он умирает от голода и жажды, и жутко захотелось попробовать яблоко. Он быстро запихал его в карман, но на дереве сияли еще сотни других. Почему нельзя было попробовать хоть одно? В конце концов, думал он, надпись на воротах — не обязательно приказ. Наверное, это просто совет. А кто слушается советов? И даже если надпись — приказ, разве он нарушит его, если съест яблоко? Он ведь уже сорвал одно для других.

Размышляя таким образом, он поглядел вверх, сквозь ветки дерева. На ветке прямо у него над головой тихо сидела поразительной красоты птица, казавшаяся почти спящей. Во всяком случае, только один глаз у нее был приоткрыт, да и то слегка. Размером она была с крупного орла: желтогрудая, красноголовая, с фиолетовым хвостом.

«Вот каким осторожным надо быть в этих волшебных местах, — рассказывал потом Дигори. — Никогда не знаешь, кто за тобой может подсматривать». Впрочем, мне кажется, что Дигори все равно бы не сорвал яблока для себя. В те времена всякие истины вроде «не укради» вбивали в головы мальчикам куда настойчивей, чем сейчас. Хотя, кто знает...

Дигори уже поворачивался, чтобы вернуться к воротам, когда вдруг обнаружил, порядком перепугавшись, что он тут не один. В нескольких шагах от мальчика стояла ведьма-королева, только что швырнувшая на землю огрызок яблока. Губы у нее были перемазаны соком, почему-то очень темным. Дигори сразу сообразил, что колдунья, вероятно, перелезла через стену, и начал смутно понимать последнюю строчку, насчет утоленной страсти и обретенной муки. Дело в том, что ведьма стояла с гордым, сильным, даже торжествующим видом, но лицо ее было мертвенно белым, словно соль.

Эта мысль заняла всего один миг, и Дигори тут же рванулся к воротам, а ведьма кинулась вслед. Ворота сразу закрылись за ним, но он обогнал королеву не намного. Он еще не успел подбежать к своим товарищам, выкрикивая: «Полли, Стрелка, скорее!», — как колдунья, не то перемахнув через стену, не то перелетев, уже снова настигала его.

— Стойте! — крикнул Дигори, обернувшись к ней, — Ни шагу, а то мы все исчезнем!

— Глупый мальчишка, — сказала ведьма. — Куда ты бежишь? Я тебе зла не сделаю. Если ты не остановишься, чтобы выслушать меня, то сильно потом пожалеешь. От тебя ускользнет неслыханное счастье.

— Слушать не хочу, — отвечал Дигори, — благодарю покорно.

Однако он все-таки остался стоять.

— Я о твоём поручении знаю, — продолжала ведьма. — Это я вчера пряталась в кустах и слышала все ваши разговоры. Ты сорвал яблоко, спрятал в карман и теперь отнесешь льву, чтобы он его съел. Простак, простак! Ты знаешь, что это за яблоко? Я тебе скажу. Это же яблоко молодости, плод вечной жизни! Я знаю, ибо я его отведала, и теперь чувствую, что никогда не состарюсь и не умру. Съешь его, мальчик, съешь, и мы оба будем жить вечно, и станем королем и королевой здешнего мира — а если захочешь вернуться в свой, — так твоего.

— Нет уж, спасибо, — сказал Дигори. — Вряд ли мне захочется жить, когда умрут все, кого я знаю. Уж лучше я проживу свой обычный срок, а потом отправлюсь на небо.

— А как же насчет твоей матери? Которую ты, по твоим словам, так обожаешь?

— При чем тут она? — сказал Дигори.

— Ты что, не понимаешь, что это яблоко ее мгновенно вылечит? Оно у тебя в кармане, мы с тобой тут одни, лев твой далеко. Призови свои чары, вернись домой, к постели матери, и дай ей откусить кусочек. Через пять минут лицо ее порозовеет. Она скажет тебе, что у нее больше ничего не болит. Потом — что к ней возвращаются силы. Потом она заснет. Ты подумай только, заснет, несколько часов проспит нормальным сном, без лекарств. А на следующий день все будут только и говорить о том, как она замечательно поправилась. Скоро она снова будет совершенно здорова. Все будет в порядке. Семья твоя снова станет счастливой. И ты будешь таким же, как твои сверстники.

Застонав, будто от боли, Дигори взялся рукой за голову. Он понял, что перед ним сейчас ужасный выбор.

— Ну что тебе, спрашивается, хорошего сделал этот лев? — сказала ведьма. — И что он сможет тебе сделать, когда ты вернешься в свой собственный мир? И что подумает твоя мать, если узнает, что ты мог ее спасти, мог утешить своего отца — и вместо этого выполнял поручения какого-то дикого зверя в чужом мире, до которого тебе нет никакого дела?

— Он... он не дикий зверь, — в горле у Дигори было совершенно сухо. — Он... я не знаю...

— Да он хуже зверя! — вскричала колдунья. — Смотри, во что он тебя превратил, какой ты стал бессердечный! Как все, кто его слушается. Жестокий, безжалостный мальчишка! Мать твоя умирает, а ты..

— Бросьте! — тем же голосом сказа Дигори. — Думаете, я сам не вижу? Но... я ему обещал.

— Ты сам не понимал, что ты ему обещал. И здесь некому тебе помешать.

— Маме бы самой это не понравилось, — Дигори с трудом подбирал слова, — она всегда меня учила, чтобы я держал слово и ничего не воровал... и вообще. Будь она здесь, она бы мне сама велела вас не слушаться.

— Так она же никогда не узнает! — Трудно было представить, что ведьма способна говорить таким сладким голосом. — Ты ей не обязан говорить, где достал яблоко. И папе не говори. Никто в вашем мире никогда ничего об этой истории не узнает. И девочку ты с собой обратно брать не обязан.

Тут-то ведьма и сделала непоправимую ошибку. Конечно, Дигори знал, что Полли может вернуться и сама, но колдунье-то это было неизвестно. А сама мысль о том, чтобы бросить Полли здесь, была такой мерзкой, что и все остальные слова ведьмы сразу показались Дигори фальшивыми и гнусными. Как ни худо было Дигори, голова его вдруг прояснилась.

— Слушайте, а вам-то какое до всего этого дело? — сказал он гораздо громче и отчетливей, чем раньше. — С чего это вас так моя мама разволновала? Что вам вообще нужно?

— Отлично, Дигори! — прошептала Полли ему на ухо. — Скорей! Побежали! — Она не отважилась ничего сказать, пока ее друг разговаривал с колдуньей. Ведь это не у нее умирала мама.

— Ну, вперед! — Дигори помог девочке забраться на Стрелу и залез вслед за нею. Лошадь расправила крылья.

— Ну и бегите, глупцы! — крикнула колдунья. — Ты еще вспомнишь обо мне, несчастный, когда станешь умирающим стариком, когда вспомнишь, как отказался от вечной молодости! Другого яблока тебе никто не даст! Они были уже так высоко, что слов колдуньи почти не услышали. А сама она, не тратя попусту времени, направилась по склону горы куда-то на север.

Они вышли в путь рано утром, а приключение в саду заняло не так много времени, так что и Стрела, и Полли надеялись засветло вернуться в Нарнию. Дигори всю дорогу молчал, а его друзья стеснялись заговорить с ним. Мальчик грустил, и порою сомневался, правильно ли поступил. Но стоило ему вспомнить слезы Аслана — и сомнения отступали прочь.

Весь день Стрела мерно махала своими неутомимыми крыльями. Они летели вдоль реки на восток, потом сквозь горы и над дикими лесистыми холмами, потом над величественным водопадом, покуда не начали спускаться туда, где на леса Нарнии падала тень могучей горной гряды, туда, где Стрела наконец увидела под алым закатным небом толпу созданий, собравшихся у реки, и среди них — Аслана. Спланировав вниз, лошадь расставила копыта, сложила крылья и мягко коснулась земли. Дети прыгнули вниз, и Дигори увидел, как звери, карлики, сатиры, нимфы и другие создания расступаются перед ним. Он прошел прямо к Аслану, протянул ему яблоко и сказал:

— Я принес вам то, что вы просили, сэр.

Глава четырнадцатая. КАК САЖАЛИ ДЕРЕВО

— Хорошо, — сказал Аслан голосом, от которого содрогнулась земля. Дигори сразу понял, что все жители Нарнии слышали эти слова, и теперь будут передавать их своим детям век за веком, быть может даже — всегда. Но опасность зазнаться не грозила мальчику. Он совсем не думал о своих заслугах, когда стоял перед Асланом, и на этот раз мог глядеть ему прямо в глаза. О своих бедах он позабыл и ни о чем не тревожился.

— Хорошо, сын Адама, — повторил лев. — Ради этого плода ты алкал, и жаждал, и плакал. Ничья рука, кроме твоей, не может посадить семя дерева, которое будет защищать Нарнию. Брось

яблоко к реке, туда, где мягкая почва.

Дигори послушался. Все стояли так тихо, что слышен был мягкий звук удара яблока о землю.

— И бросил ты хорошо, — сказал Аслан. — А теперь отправимся на коронацию Фрэнка, короля Нарнии, и королевы Елены.

Тут дети заметили извозчика и Нелли, одетых в причудливый и прекрасный наряд. Четыре карлика держали шлейф королевской мантии, и четыре феи — шлейф платья королевы. Головы их были обнажены, Елена распустила волосы и очень похорошела. Преобразила их, однако, не прическа и не одежда. Иными стали их лица, особенно у короля. Казалось, что вся хитрость, недоверчивость и сварливость, которых он набрался, когда был лондонским извозчиком, бесследно исчезли, уступив место его природной доброте и отваге. Может быть, это случилось благодаря воздуху юного мира, может быть — благодаря разговорам с Асланом, а вернее всего — по общим причинам.

— Ну и ну! — шепнула Стрела Полли. — Хозяин-то мой изменился не меньше меня. Теперь он и вправду хозяин!

— Точно, — отвечала Полли, — только не жужжи мне в ухо, Стрелка. Щекотно!

— А теперь, — сказал Аслан, — давайте-ка разберемся с этими деревьями. Пусть кто-нибудь распутает им ветки.

Дигори увидел четыре близко растущих друг к другу дерева, ветки у которых были перепутаны, а кое-где и связаны, образуя нечто вроде клетки. Два слона пустили в дело хоботы, трое карликов — топорики, и вскоре зрителям явилось, во-первых, деревце, сделанное как бы из золота, во-вторых — похожее на него серебряное, а в-третьих — некий ужасно жалко выглядевший предмет, сгорбившийся между ними в своей перепачканной одежде.

— Ой! — прошептал Дигори. — Дядя Эндрью!

Чтобы все это объяснить, нам придется немножко вернуться назад. Как вы помните, звери пытались посадить дядю в землю и полить его. Когда вода привела его в чувство, он обнаружил, что по колени закопан в землю, совершенно мокр, и к тому же окружен чудовишной толпой диких зверей. Неудивительно, что он принялся кричать и стонать. С одной стороны, это было не так плохо, потому что все звери, не исключая даже и кабана, поняли, что имеют дело с живым существом, и выкопали его обратно. Брюки дядюшки к этому времени превратились в нечто неопишемое. Едва высвободив ноги, он попытался улизнуть, но слон тут же обхватил его хоботом и водворил на место. Звери хотели подождать Аслана, чтобы тот сказал, как распорядиться с дядюшкой. Так что они соорудили что-то вроде клетки вокруг него, а потом стали предлагать пленнику всевозможную еду.

Ослик просунул в клетку порядочный ворох чертополоха, однако дядюшке явно это блюдо не понравилось. Белки принялись обстреливать его пригоршнями орехов, но старый волшебник только прикрыл голову руками, уклоняясь от подарков. Целая стая птиц сновала взад-вперед, роняя в клетку дождевых червей. Особенно благородно поступил медведь, он принес дядюшке гнездо диких пчел, которое очень хотел бы съесть сам. Достойный зверь совершил большую ошибку. Когда он просовывал эту липкую массу, в которой еще были живые пчелы, сквозь отверстие в клетке, она ткнулась дядюшке Эндрью прямо в физиономию. Сам мишка вовсе бы не обиделся, если б кто-нибудь сунул ему под нос такой подарок, и потому несказанно удивился, когда дядя дернулся назад, поскользнулся и сел на землю. «Ничего, — сказал кабан, — ему в рот все-таки попало медку, это ему непременно пойдет на пользу». Звери начали привязываться к своему странному питомцу, и надеялись, что Аслан позволит им держать его у себя. Самые умные уже понимали, что не все звуки, издаваемые зверьком, бессмысленны. Они называли его Брэнди, потому что это сочетание звуков он издавал особенно часто.

В конце концов им пришлось на всю ночь оставить его в покое. Аслан весь день беседовал с королем и королевой, занимался и другими делами; потому не смог заняться «бедным старым Брэнди». На ужин ему хватило набросанных в клетку орехов, груш, яблок и бананов, но нельзя утверждать, что он провел приятную ночь.

— Приведите это создание, — велел Аслан. Подняв дядю Эндрью хоботом, один из слонов положил дядюшку у самых ног льва. Дядя не мог шевельнуться от страха.

— Пожалуйста, Аслан, — сказала Полли, — успокойте его как-нибудь, чтобы он перестал пугаться! И скажите ему что-нибудь такое, чтобы ему расхотелось сюда снова попадать, ладно?

— Думаешь, ему хочется? — спросил лев.

— Может, и нет, — отвечала Полли, — но он может кого-нибудь сюда послать. Он так взбудоражился, когда увидел столб, выросший из той железки, что теперь думает...

— Он заблуждается, дитя, — сказал лев. — Этот мир кипит сейчас жизнью, потому что песня, которой я вызвал его к жизни, еще висит в воздухе и отзывается в земле. Скоро это кончится. Но я не могу поговорить с этим старым грешником, не могу утешить его — ибо он не хочет понимать моих слов, а вместо них слышит только рев и рычание. О дети Адама! как умеете вы защищаться от всего, что может принести вам добро! Но я поднесу ему тот единственный дар, который он еще может принять.

Печально опустив свою огромную голову, лев дунул в лицо перепуганному чародею.

— Спи, — сказал он. — Спи, отгородись на несколько часов от всех бед, которые ты накликал на свою голову.

Дядя Эндрью тут же закрыл глаза и повернулся набок, а дыхание его стало ровным.

— Отнесите его в сторонку, — сказал Аслан. — А теперь пускай карлики покажут нам, какие они кузнецы. Сделайте короны для короля и королевы!

Невообразимая толпа карликов ринулась к золотому деревцу, во мгновение ока оборвала с него все листья и даже обломала некоторые ветки. Дети увидели, что деревце и впрямь было из самого настоящего золота. Конечно, оно выросло из тех полусовершенных, которые вывалились из карманов дядюшки Эндрью, когда его перевернули вверх ногами. Точно так же и серебряное деревце выросло из монеток по полкроны. Невесть откуда карлики притащили валежник для костра, маленькую наковальню, кузнечные меха, молоточки и щипцы. Через минуту — карлики любили свое ремесло! — уже пылал огонь, рычали меха, плавилось золото, стрекотали молоточки. Два крота, — Аслан отрядил их еще с утра на поиски — положили на траву кучу драгоценных камней. Под умными пальцами маленьких кузнецов быстро возникли короны — не уродливые, тяжелые головные уборы европейских монархов, а легкие, изящные, дивно изогнутые обручи, которые можно было бы носить просто для красоты. Фрэнку предназначалась корона с рубинами, а Елене — с изумрудами.

Когда короны остудили в речке, Фрэнк и Елена встали перед львом на колени, и он возложил их им на головы.

— Встаньте, король и королева Нарнии, отец и мать многих королей, что будут править Нарнией, и Островами, и Архенландией! Будьте справедливы, милосердны и отважны. Благоговаяю вас.

Поднялся радостный крик. Кто трубил, кто ржал, кто блеял, кто хлопал крыльями — а королевская чета стояла торжественно, в благородной застенчивости. Дигори еще кричал «Ура!», когда услышал рядом глубокий голос Аслана.

— Смотрите!

Обернувшись, все в толпе издали вздох удивления и восхищения. Чуть поодаль, возвышаясь над их головами, стояло дерево, которого только что там не было. Оно выросло беззвучно и стремительно, как поднимается флаг на мачте, покуда народ был поглощен коронацией. От его развесистых ветвей, казалось, исходит не тень, а свет, и под каждым листом сияли, словно звезды серебряные яблоки. Но еще прекрасней, чем вид дерева, был струящийся от него аромат, заставлявший забыть обо всем на свете.

— Сын Адама, — сказал Аслан, — ты хорошо сделал свое дело. А вы, нарнийцы, как зеницу ока берегите это дерево, ибо оно будет охранять вас. Колдунья, о которой я рассказывал вам, бежала далеко, на север вашего мира, и будет там совершенствовать свое черное волшебство. Но пока растет это дерево, она не сможет явиться в Нарнию. Ибо благоухание его, дарующее вам радость, здоровье и жизнь, сулит ей гибель, ужас и отчаяние.

Все торжественно глядели на дерево, когда вдруг Аслан, сверкнув золотой гривой, повернулся к детям, застав их за перешептыванием и переглядыванием.

— В чем дело, дети?

— Ой... Аслан... сэр... — Дигори густо покраснел. — Я забыл вам сказать. Ведьма съела одно такое яблоко. Такое же, как я посадил. — Он замялся, и Полли договорила за него, потому что меньше, чем Дигори, боялась показаться глупой.

— Мы подумали, Аслан, что она, наверное, теперь не испугается запаха дерева.

— Почему ты так думаешь, дочь Евы?

— Она же одно съела.

— Дитя, — отвечал лев, вот почему она и будет теперь страшиться остальных плодов этого дерева. Так случается с каждым, кто срывает плоды в неположенное время и не так, как следует. Плод кажется им вкусным, но потом они всю жизнь жалеют.

— Вот как, — сказала Полли. — Наверно, раз она его как-то не так сорвала, то оно на нее и не подействует. В смысле, она не будет вечно молодой и все такое?

— Увы, — покачал головой Аслан, — будет. Любая вещь поступает согласно своей природе. Она утолила желание сердца, ваша ведьма. Словно богиня, она будет обладать неистощимой силой и вечной жизнью. Но что есть вечная жизнь для этого сердца? Это лишь вечные беды, и она уже чувствует это. Каждый получает, что хочет, но не каждый радуется этому.

— Я... я сам чуть не съел одно, — сказал Дигори. — Я бы тогда тоже...

— Да, дитя мое. Плод непременно дает бессмертие и силу, но никогда не дает счастья, если его сорвали по собственной воле. Если б кто-то из нарнийцев сам посадил бы тут украденное яблоко, из него тоже выросло бы дерево, защищающее страну — но она просто стала бы жестокой и сильной державой, как Чарн, а не добрым краем, каким я ее создал. Ведь колдунья еще что-то уговаривала тебя сделать, правда?

— Да, Аслан. Она подбивала меня взять яблоко для мамы.

— И оно бы исцелило ее, только ни ты, ни она не были бы этому рады. Пришел бы день, когда вы оба вспомнили бы об этом яблоке и сказали, что лучше бы твоей маме было умереть, чем получить такое исцеление.

Дигори молчал. Его душили слезы. Он думал, что ему уже не спасти маму, однако верил льву, и знал теперь, что есть на свете вещи страшнее смерти. Но Аслан заговорил снова, на этот раз — почти шепотом.

— Вот что случилось бы, дитя, если бы ты украл яблоко. Но ты устоял, и теперь случится другое. То, что я дам тебе, принесет вам радость. В твоём мире оно не даст вечной жизни, но исцелит твою маму. Ступай, сорви яблоко.

Дигори на секунду остолбенел, словно весь мир на его глазах перевернулся. Медленно, как во сне, он направился к дереву, под одобрительные возгласы королевской четы и всех созданий. Сорвав яблоко, он сунул его в карман и вернулся к Аслану.

— Можно, мы пойдем домой? — спросил он, забыв сказать спасибо. Но Аслан его понял.

Глава пятнадцатая. КАК КОНЧИЛАСЬ ЭТА ПОВЕСТЬ И НАЧАЛИСЬ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

— Когда рядом я, вам не нужны кольца, — услышали дети голос Аслана. Замерев, они огляделись и увидели, что снова стоят в Лесу Между Мирами. Дядя дремал на траве, а рядом с ними стоял лев.

— Вам пора домой, — сказал он, — только сначала я должен вам кое-что сказать. Одна вещь будет предупреждением, а другая — приказом. Смотрите. Они увидели в земле заросшую травой ямку, теплую и сухую.

— В прошлый раз, когда вы здесь были, тут был пруд, через который вы попали в мир, где умирающее солнце сияло над развалинами Чарна. Пруда больше нет. Нет и того мира, словно никогда не было. Да помнит об этом племя Адама и Евы

— Хорошо, Аслан, — хором ответили дети, а Полли добавила: — Мы ведь не такие скверные, как они, правда?

— Еще не такие, дочь Евы, — сказал лев, — пока еще нет. Но вы становитесь все хуже. Кто знает, не найдет ли кто-то из вашего мира такой же ужасной тайны, как Недоброе Слово, чтобы уничтожить все живое на земле. Скоро, очень скоро, до того, как вы состаритесь, тираны встанут у власти великих держав вашего мира, — тираны, которым радость, милосердие и справедливость будут так же безразличны, как императрице Джадис. Помните об этом и берегитесь. Вот мое предупреждение. Теперь приказ. Как можно скорее отберите у вашего дяди волшебные кольца и заройте их поглубже, чтобы никто больше не смог ими воспользоваться.

Покуда лев говорил, дети глядели ему прямо в лицо, и вдруг — ни Полли, ни Дигори так и не поняли, как это случилось, — оно превратилось в сияющее золотое море, в которое они погрузились, окруженные любовью и могучей силой, и они почувствовали такое блаженство, словно

никогда до этого не знали ни счастья, ни мудрости, ни доброты, ни вообще жизни и пробуждения. Память об этом мгновении навсегда остались с ними, и до конца своих дней в минуты грусти, страха или гнева они вспоминали это золотое блаженство, и казалось, что оно и сейчас недалеко, чуть ли не за углом, — и душу их наполняла спокойная уверенность. А еще через минуту все трое — дядя Эндрью успел проснуться — уже оказались в шумном и душном Лондоне.

Они стояли на мостовой перед домом Кеттерли, и если бы не исчезли колдунья, извозчик и лошадь, все было бы точно так же, как перед путешествием. Все так же стоял фонарный столб без одной перекладки, все так же лежали на мостовой обломки кэба, и все так же вокруг них сгрудилась толпа. Все говорили по-прежнему; кое-кто склонился к оглушенному полисмену, и то и дело слышалось «Вроде очнулся!..», или «Ну как, старина, получше тебе?», или «Скорая помощь мигом приедет».

— Ничего себе! — поразился Дигори. — Здесь, кажется, и секунды не прошло!

Большинство зевак озиралось в поисках Джадис и лошади. Детей никто даже не заметил — ни тогда, ни сейчас. Что же до дядюшки Эндрью, то одежда его была в столь плачевном состоянии, а физиономия так основательно вымазана медом, что узнать его было просто невозможно. К счастью, дверь в дом была открыта, и служанка наблюдала из дверного проема за всей комедией — какой все-таки славный выдался ей денек! — так что дети без труда затащили дядюшку внутрь еще до того, как его успели бы заметить.

Когда он помчался вверх по лестнице, Полли и Дигори испугались, не торопится ли он прятать оставшиеся кольца. Но беспокоились они зря. На уме у дядюшки была исключительно бутылка, стоявшая у него в гардеробе, так что он мгновенно исчез у себя в спальне и заперся на ключ, а когда вскоре появился снова, то уже надел халат и направился прямо в ванную.

— Ты достанешь остальные кольца, Полли? Я хочу к маме.

— Конечно. Пока, — Полли побежала на чердак.

Дигори остановился перевести дыхание, а потом тихо пошел в спальню к маме. Как всегда, она лежала на подушках с таким исхудалым бледным лицом, что при виде ее хотелось плакать. Дигори достал из кармана свое Яблоко Жизни.

Точно так же, как ведьма Джадис выглядела в нашем мире не так, как в своем собственном, изменило свой вид и яблоко из горного сада. В спальне, конечно же, было немало разноцветных вещей — покрывало на постели, обои, солнечный свет из окна, красивая голубая пижама матери Дигори. Но когда он достал яблоко, все эти цвета вдруг побледнели, и даже солнечный свет стал казаться выцветшим. Оно было такое яркое, что отбрасывало странные блики на потолок, и все, кроме яблока, теперь не стоило в этой комнате и взгляда. А запах от Яблока Молодости шел такой, словно кто-то приоткрыл окошко прямо на небеса.

— Ой, милый мой, какая прелесть, — сказала больная.

— Ты ведь съешь его, правда? Пожалуйста.

— Уж не знаю, что скажет доктор, — отвечала она, — но... кажется, я могла бы попробовать.

Дигори почистил яблоко, нарезал его и по кусочкам отдал ей. Не успела мама доест, как улыбнулась и, откинув голову на подушку, заснула самым настоящим глубоким сном, без этих мерзких таблеток, без которых, как знал Дигори, она не могла прожить и дня. И он ясно увидел, что лицо ее переменялось. Наклонившись, Дигори поцеловал маму и украдкой выскользнул из комнаты. Сердце его колотилось, а в руке он сжимал сердцевинку яблока. До самого вечера, глядя на окружавшие его обыкновенные, ничуть не волшебные вещи, он то и дело терял надежду, но вдруг вспомнил лицо Аслана — и ободрился духом.

Вечером он зарыл сердцевинку на заднем дворе.

Наутро, когда со своим обычным визитом явился доктор, Дигори стал подслушивать его разговор с тетушкой Летти в гостиной.

— Мисс Кеттерли, — это самый поразительный случай за всю мою медицинскую практику. Это... это какое-то чудо. Я бы ничего не стал говорить мальчику, чтобы не будить в нем ложных надежд, однако, по моему мнению... — тут он перешел на шепот, Дигори ничего больше не услышал.

После обеда он вышел в садик на заднем дворе и просвистел условный сигнал для Полли. Вчера ей так и не удалось выбраться из дома.

— Ну как? — Полли выглянула из-за стены — Как она?

— Я думаю... мне кажется, все в порядке, — сказал Дигори. — Только ты прости, я пока не хочу об этом говорить. А как кольца?

— Все у меня. Ты не бойся, я в перчатках. Давай их закопаем теперь.

— Давай. Я отметил место, где вчера закопал сердцевинку яблока.

Через неделю уже не было никаких сомнений в том, что мама Дигори пошла на поправку. Еще недели через две она смогла сидеть в саду, а через месяц весь дом Кеттерли неузнаваемо переменялся. Тетушка Летти открывала окна, поднимала шторы, чтобы по просьбе сестры впустить в комнаты больше света, ставила всюду цветы, готовила вкусные блюда и даже позвала настройщика привести в порядок старое пианино, и мама пела под него, и так веселилась с Полли и Дигори, что тетушка твердила ей: «Мэйбл! Ты у нас самый главный ребенок!»

Вы знаете, что беда не приходит одна. Но и радости иногда приходят сразу друг за другом. Недель через шесть этой замечательной жизни пришло письмо от папы, из Индии. Скончался его двоюродный дед, старый мистер Керк, и папа вдруг разбогател. Теперь он мог бросить службу и навсегда вернуться в Англию. А огромное поместье, о котором Дигори всю жизнь слышал, но никогда не видел, станет теперь их домом, со всеми доспехами, конюшнями, теплицами, парком, виноградниками, лесами и даже горами. Дигори был совершенно уверен, что больше ему в жизни ничего не потребуется. Вот счастливый конец нашей истории. Но на прощание я расскажу вам кое-что еще, совсем немного.

Полли и Дигори навсегда подружились, и почти на каждые каникулы она приезжала к нему в поместье. Там она научилась кататься верхом, доить коров, плавать, печь хлеб и лазить по горам.

Звери в Нарнии жили мирно и радостно, и многие сотни лет их не тревожила ни ведьма Джадис, ни другие враги. Счастливо правили Нарнией король Фрэнк и королева Елена, и второй их сын стал королем Архенландии. Сыновья их женились на нимфах, дочери выходили замуж за речных и лесных богов. Фонарь, случайно посаженный ведьмой, день и ночь светился в нарнийском лесу, и место, где он стоял, стали звать Фонарным Пустырем. Когда много лет спустя в Нарнию из нашего мира пришла в снежную ночь другая девочка, она увидела этот свет. Между прочим, ее приключение связано с той историей, которую вы только что узнали.

Переезжая в поместье, семья Керков захватила с собой и дядюшку Эндрью. «Старика надо держать в узде, — сказал папа Дигори, — и хватит ему висеть на шее у бедной Летти». Дядя навсегда забросил чародейство. Урок пошел ему на пользу, и к старости он стал куда приятней и добрее, чем раньше. Но одно он любил: уводить гостей поодиночке в бильярдную и рассказывать им о даме королевского рода, которую он некогда возил по Лондону. «Вспыльчива она была невыносимо, — говаривал он, — но какая женщина, сэр, какая потрясающая женщина!»